

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XVI.
(1913 - 1914).

Petrograd.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg).

Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію.

(Къ этнологическимъ вопросамъ).

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 27 февраля 1913 г.).

Поѣздка въ Абхазію не была сопряжена ни съ какими трудностями. Выѣхавъ изъ Петербурга 21-го декабря 1912 г., 25-го вечеромъ я съ моря подъѣзжалъ къ Сухуму, гдѣ цѣлый день ушелъ на выясненіе условій жизни въ селеніи Джгердѣ ((Dğarda или Dgyarda=d). У преосвященнаго Андрея¹⁾, епископа Сухумскаго, которому я писалъ раньше, я узналъ, что по его любезной просьбѣ о. Николай²⁾, членъ Переводческаго комитета, живущій на пути въ Джгерду, верстахъ въ 11-ти отъ нея, окажетъ мнѣ всякое содѣйствіе при организаціи моихъ лингвистическихъ работъ. Бесѣда въ Сухумѣ съ Дим. І. Гулісію, другимъ членомъ Переводческаго комитета, бросила первые лучи на работу этого почтеннаго, въ данный моментъ, кажется, ликвидированнаго, учрежденія надъ абхазскимъ языкомъ. Въ третьей средѣ, грузинской³⁾, мнѣ рекомендовали абхаза преподавателя Н. С. Джанашию, который оказался выбывшимъ къ себѣ на родину въ Адзюбжу (Adžubja) на вакаціи. Мнѣ совѣтовали не рисковать зимнею поѣздкою въ абхазское селеніе, обѣщая пригласить нужныхъ для работы абхазовъ въ Сухумъ, но у меня были основанія не измѣнять испытанному приему начинать изученіе нелитературнаго языка прежде всего съ одного діалекта, притомъ въ родной его средѣ и атмосферѣ. Рано утромъ 27-го декабря я уже ѣхалъ изъ Сухума въ фазтонѣ мингрельца-извозчика,

1) Всѣмъ упомянутыми лицами, оказавшими мнѣ помощь словомъ или дѣломъ, глубокое спасибо.

2) Н. Солом. Патейна.

3) Кн. Н. К. Тавдгиридзе, Н. З. Цецхладзе, докторъ А. Мачавариани и др.

сынъ котораго, какъ я потомъ узналъ, — студентъ Харьковскаго университета по медицинскому факультету. Мингрельцы въ этомъ районѣ проявляютъ большую дѣятельность въ мѣстной торговлѣ и извозѣ и не щадятъ средствъ для полученія образованія, понятно, въ утилитарныхъ цѣляхъ, какъ средства бѣльшаго заработка. О чисто духовныхъ потребностяхъ, естественно, пока не можетъ быть и рѣчи. Нагоняя многочисленныхъ русскихъ богомольцевъ и особенно богомолковъ въ Драндскій монастырь и встрѣчая возвращавшихся оттуда, извозчикъ серьезно спросилъ меня: «скажите, сударь, вы изъ Россіи, почему столько народа приходитъ сюда молиться? Развѣ дома у нихъ нѣтъ Бога?».

Я ѣхалъ въ Адзюбжу къ Н. С. Джанашии, чтобы разспросить у него про условія жизни въ Джгердѣ. Привѣтливый хозяинъ Н. С. предложилъ остаться у него дома, обѣщая окружить меня на все время моего пребыванія лучшими знатоками абхазской рѣчи. Чтобы обѣщаніе не показалось пустыми словами, онъ сейчасъ созвалъ гостившую въ селѣ абхазскую учащуюся молодежь, и я повелъ первую повѣрочную работу надъ печатнымъ матеріаломъ, но все-таки остался при мнѣніи, что изученіе абжувскаго говора абхазскаго языка слѣдуетъ вести въ отдаленной отъ проѣзжей дороги и приморья мѣстности, наиболѣе свободной какъ отъ мингрельскаго, такъ отъ иныхъ вліяній, какой рисовалось мнѣ, какъ потомъ оказалось, совершенно правильно, селеніе Джгерда. Вышло очень удачно: Н. С. Джанашиа оказался родственникомъ Хабиджа Ашубы (Habiḍ Aḥba), домъ котораго рекомендованъ былъ мнѣ новыми сухумскими друзьями-абхазами для стоянки въ Джгердѣ. Чтобы не терять времени, я изъ Адзюбжи хотѣлъ верхомъ проѣхать въ Джгерду: по картѣ это прямой и, казалось бы, кратчайшій путь, но хозяинъ настойчиво отговаривалъ отъ этого пути, чрезвычайно труднаго ввиду грязи. Я не совсѣмъ вѣрилъ въ неудобопроходимость намѣченнаго пути и напрасно, какъ потомъ я лично испыталъ: топкая и липкая грязь абхазскихъ путей тамъ, гдѣ нѣтъ шоссе, нѣчто неподдающееся описанію. Лошадь, ступая въ нее, съ чрезвычайнымъ трудомъ извлекаетъ изъ нея ногу, и бывають случаи, что лошадь не въ силахъ шагать, начинаетъ засасываться въ тягучую массу глинистой почвы, неопытный же всадникъ, выбившись изъ силъ надъ безплоднымъ понуканіемъ, неосторожно слѣзаетъ съ лошади, чтобы освободить ее, и самъ начинаетъ утопать, пока на его отчаянные крики не подоспѣвають жители на помощь. Н. С. Джанашиа предложилъ ѣхать въ фазтонѣ по шоссеиной дорогѣ вплоть до Тамыша¹⁾, гдѣ, кстати, можно

1) Точное произношеніе по яфетидологической системѣ транскрипціи — Tāmāsh.

было встрѣтиться съ о. Николаемъ и М. И. Гуліею, авторомъ единственной пока записи образчиковъ абхазской народной словесности.

Утромъ 28-го я ѣхалъ въ Тамышъ вмѣстѣ съ Н. С. Джанашіею, рѣшившимъ сопровождать меня до своего родственника въ Джгердѣ. Н. С. Джанашія—рѣдкій типъ абхаза, освѣдомленнаго въ грузинской исторической литературѣ. Ему принадлежитъ рядъ этнографическо-археологическихъ замѣтокъ объ Абхазіи, печатавшихся въ грузинской прессѣ, между прочимъ, имъ обнародовано въ грузинскомъ пересказѣ абхазское сказаніе объ *Abarskil'* (д: *Abarǫkil*, по Д. И. Гуліи: *Abarskǫl*), двойникѣ Ампрапа, героя цикла грузинскихъ народныхъ сказаній.

Изъ бесѣды съ Н. С. Джанашіею я узналъ, между прочимъ, о любопытной поправкѣ къ моему толкованію одного этно-эпонимнаго лица въ арабской версіи *Крещенія армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ*¹⁾, имененно Ибѣр-[е]б-зхуа, что по моему объясняется изъ мингрельскаго языка въ значеніи «сынъ пверовъ»; Н. С. Джанашія связываетъ вторую часть не съ мингрельскимъ словомъ *squa сынъ*, а съ этническимъ терминомъ *ā-zəf̄c*, мн. *zəf̄wāa зикхи*.

Бесѣдуя о лингвистическихъ и этнографическихъ вопросахъ, мы незаметно доѣхали до Тамыша какъ разъ въ время, такъ какъ о. Николай (рѣчь о Н. С. Патейиѣ) сидѣлъ уже на лошади и собирался ѣхать въ Сухумъ по дѣламъ. Онъ отложилъ поѣздку и подсѣлъ къ намъ въ фаетонъ, чтобы сопровождать въ Джгерду и помогать въ моихъ работахъ. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было его сотрудничество, что матеріалъ, собранный Усларомъ, основанный главнымъ образомъ на бзыбскомъ говорѣ абхазскаго языка, а о. Николай—бзыбець. Въ Тамышѣ же успѣлъ я переговорить съ издателемъ абхазскихъ текстовъ живою рѣчи, трехъ сказокъ и трехсотъ съ лишнимъ пословицъ, М. И. Гуліею, который обѣщалъ смѣнить черезъ нѣсколько дней о. Николая, въ сотрудничествѣ со мною. Русскіе переводы сказокъ и пословицъ оказались настолько своеобразны, что безъ непосредственныхъ опросовъ самого автора трудно было, а иногда совершенно невозможно разобраться съ ихъ помощью въ абхазскомъ подлинникѣ. Въ этомъ отношеніи услуга, оказанная мнѣ М. И. Гуліею, неоцѣнима. Въ Джгердѣ, куда мы прибыли часамъ къ тремъ, на обширный дворъ нашъ вышелъ встрѣтить изъ деревяннаго дома Хабиджъ Ашуба. Расцѣловавшись съ родственникомъ Н. С. Джанашіею, онъ и меня какъ родственника обнялъ. Съ этого момента я чувствовалъ себя какъ дома, а занятія мои наладились такъ быстро, точно я возобно-

1) Стр. 172.

вилъ прерванную работу, а не впервые принимался за нее въ Джгердѣ. Сочувствіе и всяческое содѣйствіе абхазовъ моимъ работамъ было безпримѣрное. Ничего подобнаго ни почти враждебному отношенію лазовъ въ Лазистанѣ при изученіи чанскаго языка, ни въ большинствѣ равнодушному отношенію свановъ, когда занимался сванскимъ. Абхазы чрезвычайно цѣнятъ свой родной языкъ, и всякое вниманіе къ нему вызываетъ у нихъ восторгъ. Не говоря о необыкновенномъ гостепріимствѣ, хозяева внимательно слѣдили, чтобы у меня все время были въ распоряженіи объекты изслѣдованія джгердской абхазской рѣчи. Если не сами они, то сосѣди терпѣливо высидивали часами у меня въ комнатѣ, стараясь удовлетворить моимъ вопросамъ. Въ качествѣ освѣдомленныхъ источниковъ о. Николая и М. І. Гулію смѣнили о. Савва¹⁾, священникъ изъ сосѣдняго села Квитоули, кн. Ачба или Анчабадзе, о. Димитрій изъ селенія Чилоу и извѣстный лингвистъ-самоучка П. Г. Чарая, пріѣхавшій изъ Очемчира. Къ этому надо прибавить, что всѣ дни моего пребывания, около двухъ недѣль, въ Джгердѣ я слышалъ кругомъ сплошь абхазскую рѣчь и только абхазскую. На обратномъ пути я остановился въ Адзюбжѣ въ домѣ Н. С. Джанашии и его брата, гдѣ добрую часть собраннаго лексическаго матеріала имѣлъ возможность провѣрить снова на собраніи изъ семнадцати мѣстныхъ абхазовъ, въ числѣ которыхъ былъ великолѣпный знатокъ родной рѣчи кн. Кичина, онъ же Александръ, Сасырковичъ Марганія. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что записи мои въ общемъ удовлетворительны и могутъ лечь въ основаніе дальнѣйшихъ работъ надъ абхазскимъ языкомъ.

Прибывъ въ Сухумъ, наканунѣ выѣзда сюда я провелъ вечеръ среди мѣстной абхазской интеллигенціи: ихъ, абхазовъ, оказалось всего на всего нѣсколько человекъ во всемъ городѣ. Абхазы давно оттиснуты пришлыми элементами вообще отъ приморья, а особенно отъ Сухума. Тѣ, съ которыми я велъ бесѣду, всѣ горячо заинтересованы изученіемъ родной рѣчи, но, къ сожалѣнію, не располагаютъ ни теоретическою подготовкою, ни досугомъ и средствами, чтобы предаться методическому и плановѣрному занятію абхазскимъ языкомъ. Практическаго знанія и цѣнныхъ и для теоретика наблюдений надъ родной рѣчью у нихъ масса, и я очень жалѣлъ, что не могъ въ первый же пріѣздъ достаточно использовать ихъ знанія.

Сочувственное отношеніе абхазовъ и ихъ безкорыстная готовность содѣйствовать моей работѣ надъ родною ихъ рѣчью, знакомство и всяческое содѣйствіе почти всего состава Переводческаго комитета, вообще столь бла-

1) С. Сем. Канія.

гонрiятно сложившiяся обстоятельство принесли свой плодъ. Практически я достигъ лишь того, что къ концу пребыванiя я сталъ въ значительной степени понимать живую абхазскую рѣчь джгердскаго говора, для научной же моей цѣли мнѣ удалось сдѣлать больше, чѣмъ я предполагалъ: я слiчилъ весь лексическiй матеріалъ, собранный Усларомъ, и дополненiя къ нему въ работѣ П. Г. Чарая, удвоилъ этотъ матеріалъ новыми, раньше не записывавшимися словами, проанализировалъ изданныя сказки и болѣе половины пословицъ и поговорокъ, выяснилъ рядъ морфологическихъ и особенно очень сложныхъ синтаксическихъ явленiй абхазскаго языка, заваялъ списокомъ абхазскихъ фамилiй, равно мужскихъ и женскихъ именъ, точность записи которыхъ успѣлъ лично проверитъ.

Мусульманскихъ именъ больше, чѣмъ христiанскихъ, даже христiанскiя календарныя имена чаще въ мусульманской формѣ, напр. то Еқуф, то Уақуф (Яковъ, ср. Чарая, ц. с., § 5,13: Yakwàb) и др.

Абхазскiя имена своеобразны; много мужскихъ именъ сложныхъ со словомъ *q̄u*, означающимъ *удѣлъ*:

Àsaq̄u	Hanaq̄u
Abdāq̄u	Ƙerantēq̄u (= Ƙyerantēq̄u)
Ʀansēq̄u (= Ʀyansēq̄u)	Māq̄u
Naḃāq̄u	Ramc̄wēq̄u.

Въ числѣ абхазскихъ фамилiй есть рядъ этническаго происхожденiя, какъ то *Àñiwa*, чтò значитъ *кабардинецъ*, *Zuq̄ba сынъ Зикха*, чтò говоритъ о зикхскомъ происхожденiи этого дома; есть фамилiя *Àñiwanwa*, чтò значитъ *сваны*¹⁾; лазскаго или чанскаго происхожденiя двѣ фамилiи *Tān-ba* (мн. *Tanāā*) и *Lazba* (позднiй этническiй терминъ *laz* находится также въ составѣ абхазскаго имени *Laznəgu*, ср. *Nəgu*), осскаго или осетинскаго происхожденiя двѣ абхазскiя фамилiи, одна въ мингрельской формѣ—*Osia*, другая въ абхазской *Ozba* (< *Os-ba*); чрезвычайно любопытно, что существуетъ абхазская фамилiя аланскаго происхожденiя въ мингрельской формѣ *Alani-a* не только въ Джгердѣ, но и въ Лыхнахъ; одинъ дворъ съ названiемъ *Alan* имѣется и въ Тамышѣ.

Изъ фамилiй нельзя не указать ввиду историческаго ея значенiя на *Gubaz*: существующiй родъ съ этимъ названiемъ, по всей вѣроятности, иной, чѣмъ древнiй; онъ не играетъ никакой роли, но слѣды большаго значенiя рода съ тѣмъ же названiемъ находимъ въ географической номенклатурѣ далеко

1) Въ Джгердѣ фамилiя *ñenwa* значитъ то же самое, т. е. *сваны*.

за предѣлами нынѣшней Абхазіи, именно въ Гуріи; здѣсь по названію этого рода окрещена рѣка, впадающая въ Суфу: зовется ჯუბა-ჭაჭო Gubaz+o-ul-i. Историческій же интересъ, связанный съ этимъ терминомъ, состоитъ въ томъ, что подъ такимъ именемъ извѣстенъ рядъ лазскихъ царей; въ греческомъ костюмѣ это имя — Γοβάζης или Γοβάζης, въ *Грузинскихъ рукописяхъ* — ჯუბაძე Guba-dē.

Если правильна грузинская передача ჯუბაძე Guba-dē, къ которой при-
мыкаетъ и греческая форма Γοβάζη-ς (Γοβάζη-ς), выросшимъ ძე dē сынъ
прикрывается абхазская фамилія на ba: терминъ gu-ba въ такомъ случаѣ
могъ бы означать «сынъ сердца».

Въ настоящее время Gubazaā—крестьянская фамилія въ Гудаутскомъ
участкѣ, на нее кромѣ грузинскаго z (< dē) успѣло нарасти мингрельское
va, въ абхазскомъ терпящее губной v: м. Gubaza-va > абх. Gubaza-à¹⁾, по
рядомъ съ этимъ употребляется форма съ вторичнымъ нарастаніемъ абха-
зскаго -ba: A-gubaz-bà (форма единичности Gubazbak, мн. Gubazaā).

Къ переживаніямъ историческихъ именъ относится и Ракур, столь из-
любленное въ формѣ Bakur въ средѣ грузинскихъ царей, а въ формѣ Ragor
извѣстное какъ имя лазскаго царя.

Въ линіи географическихъ названій отложенія абхазскаго языка также
намѣчаются на югѣ, гдѣ теперь господство картскихъ племенъ; я назову сей-
часъ село ღაბა (грузинизованное, по всей видимости, абхазское слово ღაბა
ḡi-ba) въ Гуріи, и значительно южнѣе ან-ფა an-ḡa (по-абхазски, какъ увидимъ,
долженствовавшее означать боги *Небо*), названіе монастыря, куда привезена
была по легендѣ сирійцами перукотворная икона Спасителя, въ честь кото-
рой возникла и Анчис-хатская (Анчхатская) церковь въ Тифлисі.

Въ началѣ я очень старался захватить съ собою на работу абхазскій
переводъ Евангелія, объ окончаніи печатаніемъ котораго я узналъ лишь по
пріѣздѣ въ Сухумъ. Несмотря на всѣ старанія, раздобыть экземпляръ его
тогда не удалось. Постепенно я узналъ объ условіяхъ, въ которыхъ самоот-
верженно исполнялась эта труднѣйшая задача, и я былъ радъ, что работѣ
надъ абхазскимъ текстомъ Евангелія не пришлось отвлечь меня отъ наблю-
деній надъ живымъ абхазскимъ языкомъ.

На абхазскомъ языкѣ, кромѣ Евангелія, имѣется теперь небольшая пе-
чатная литература — богослужебная и вообще христіанско-миссіонерская,
какъ то: *Требникъ* (Тифлисъ 1907), *Литургія Іоанна* (Тифлисъ 1907), *Мо-
литвы*, *Х Заповѣдей и присяжный листъ* (Тифлисъ 1910), *Важнѣйшіе*

1) Впрочемъ въ абхазскомъ мн. на а-«а» можетъ восходить къ а-«га».

праздники православной церкви (Тифлисъ 1910); учебная, какъ-то: *Книга для чтенія на абхазскомъ языкѣ для абхазскихъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911), Ф. Х. Эшпбал, *Сборникъ арифметическихъ задачъ для абхазскихъ начальныхъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911); народно-популярная, какъ то: *Береженого и Богъ бережетъ. — Чесотка. — Оспа. — Холегра*, перевелъ на абхазскій языкъ благочинный, прот. Д. Маргани (Тифлисъ 1910), О. И. Ускова, *Краткое руководство къ разведенію гусей*, перев. на абхазскій языкъ смотритель Лыхненскаго 2-кл. училища Н. С. Патейпа (Тифлисъ 1910), *Болѣзни домашнихъ птицъ и ихъ леченіе*. Общедоступный лѣчебникъ, собралъ и составилъ птицеводъ-практикъ В. В. Сабинецкій. Перевелъ на абхазскій языкъ смотритель Тамышскаго 2-кл. нормального училища Д. И. Гуліа (Тифлисъ 1910), Н. Патейпа, *Краткое руководство по шевководству* (Тифлисъ 1911)¹.

Весь этотъ печатный матеріалъ пришлось отложить въ сторону прежде всего потому, что принятая транскрипція по существу дефектна. Самое использование русскаго алфавита ведетъ къ ряду недоразумѣній, которыя, если оцѣнивать съ педагогической стороны, скорѣе способны мѣшать, чѣмъ содѣйствовать правильному усвоенію русской грамоты. Такъ, напр., абхазское *э*, лат. *e* = *ɛ* транскрибируется русскимъ «е», а *ѣ* — использована какъ начертаніе абхазскаго звука «э», въ значеніи краткаго «й» одно время пользовались лат. *j*, а теперь ни полугласный *y* = *ɤ*, ни полугласный *w* = *ɥ* не имѣютъ въ русской транскрипціи особаго начертанія: ихъ передаютъ простымъ *i* и *y*.

При такихъ условіяхъ пользоваться печатнымъ абхазскимъ текстомъ можно, или будучи абхазомъ, или хорошо зная фонетическія особенности, да и лексику абхазскаго языка.

То же самое наблюдаемъ и въ абхазскомъ текстѣ Евангелія, впрочемъ не по недосмотру, а какъ сознательный, и теперь защищаемый авторами приемъ. «Полугласныхъ не отличали мы отъ гласныхъ», говорилъ мнѣ одинъ изъ переводчиковъ, «потому, что одинъ и тотъ же звукъ въ различныхъ условіяхъ бываетъ различнымъ, напр. *ц*, характеръ 2-го лица, передъ согласнымъ — гласный, а передъ гласнымъ — полугласный, но, изображая ихъ одинаково, мы правильно указываемъ, что они — разновидности одного и того же *и*».

Переводя евангельскій текстъ, переводчики часто оказывались въ весьма затруднительномъ положеніи отчасти и отъ особенностей абхазскаго языка, такъ, напр., въ абхазскомъ нѣтъ порядковыхъ числительныхъ, и когда въ

1) Статья была сверстана, когда я получилъ сборникъ стихотвореній Д. И. Гуліа на абхазскомъ языкѣ, изданіе Общества распространенія просвѣщенія среди абхазовъ (Тифлисъ 1912).

Мо 20,27 пришлось столкнуться со стихомъ «И кто хочетъ между вамъ быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ», то *быть первымъ* вынуждены были перевести словами аҧҭа-гҭлага = аҧҭа-гҭлага¹⁾ *опереди стоять*.

Большое затрудненіе представило переводчикамъ и начало стиха Ін 4,24 «Богъ есть духъ». Тутъ затрудненіе возникло на почвѣ полного созвучія словъ, означающихъ *духъ* и *мертвецъ*²⁾. Въ бзыбскомъ говорѣ эти слова еще различаются: аҧсѡ *духъ* и аҧсѡ *мертвецъ*, а въ абжувскомъ говорѣ аҧсѡ означаетъ и *духъ*, и *мертвецъ*, между тѣмъ въ составѣ Переводческаго комитета большинство было абжувцевъ, да кромѣ того рѣшено было во избѣжаніе осложненія алфавита не вводить тонкостей бзыбской фонетики, и названный стихъ въ такомъ абхазскомъ переводѣ могъ быть понятъ и «Богъ есть духъ» и «Богъ есть мертвецъ». Мусульмане не упускаютъ случая распространять, что христіане поклоняются мертвому Богу, и великъ былъ соблазнъ, рассказывали мнѣ, когда христіанскій пастыръ использовалъ въ словѣ съ амвона въ церкви стихъ Ін 4,24 въ упоминутъ переводѣ, который молящіеся поняли «Богъ есть мертвецъ».

Добрая часть затрудненій возникала отъ того, что поставлена была несвоевременная задача, для выполненія которой не было никакой серьезной подготовительной работы. Золотыя слова Услара забыты. Еще въ 1862-мъ году онъ писалъ: «Сказки, пѣсни, поговорки, живущія въ устахъ народныхъ, составляютъ единственный, вполнѣ надежный, ничѣмъ постороннимъ незасоренный источникъ къ изученію языка. Собраніе всего изустно-живущаго въ народѣ должно составить первый письменный памятникъ, послѣ созданія азбуки»³⁾. «Одни даже повседневные разговоры, будучи записаны, — доставятъ данныя, которыхъ тщетно стали бы мы отыскивать въ преждевременныхъ переводахъ съ русскаго»⁴⁾.

Еще болѣе затруднялось дѣло отсутствіемъ грамматики абхазскаго языка. Возлагая при такихъ условіяхъ на Переводческій комитетъ изъ трехъ лицъ переводъ Евангелія, инициаторы дѣла обязывали ихъ не только переводить на абхазскій языкъ, но и выработать свой собственный, обсужденный въ трехъ лицахъ, искусственный или такъ называемый литературный абхазскій языкъ. Несомнѣнно, было допущено сочинительство и въ отношеніи словъ, заставившее переводчиковъ составить себѣ особый словаръ

1) аҧҭа-гҭлага.

2) П. Марр, *Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи*, У, стр. 179 слѣд.

3) Усларъ, *Этнографія Кавказа. Языкознаніе. Абхазскій языкъ* (изд. Управл. Кавк. учебн. округа, Тифлисъ, 1887), стр. 103.

4) П. с., стр. 101.

чикъ абхазскихъ словъ или совершенно новыхъ, сочиненныхъ, или съ новыми для нихъ значеніями.

Вообще мнѣ бросилось въ глаза, что переводческое дѣло, какъ и вся новая миссіонерская дѣятельность въ Абхазіи, строится не на исторической основѣ: миссіонерство и не искало ея. Въ этомъ отчасти повинны, повидимому, сами абхазы.

Судя по моимъ впечатлѣніямъ отъ бесѣдъ съ рядомъ интеллигентныхъ абхазовъ, въ абхазской средѣ существуетъ мнѣніе, что христіанство оставило весьма мало слѣдовъ въ коренной народной массѣ Абхазіи. Дѣйствительно, христіанство, вносившееся въ Абхазію и съ запада, изъ Византіи, и съ востока, изъ Грузіи, можетъ при первомъ поверхностномъ взглядѣ гордиться скорѣе архитектурными памятниками, чѣмъ религіознымъ строителствомъ въ душахъ коренныхъ абхазовъ. Остатки архитектурныхъ памятниковъ Абхазіи, иногда лишь жалкія развалины, не могутъ ускользнуть и отъ вниманія малопосвященныхъ въ культурную исторію Кавказа. Нерукотворный же памятникъ, возводившійся древнимъ христіанскимъ миссіонерствомъ въ Абхазіи, требуетъ болѣе вооруженнаго соответственнымъ знаніемъ зрѣнія для правильныхъ наблюденій надъ нимъ. Нѣтъ спора, что въ странѣ, гдѣ христіанская церковь пользовалась языками, недоступными массѣ населенія, сначала греческимъ, потомъ грузинскимъ, она могла разсчитывать на, такъ сказать, демократическій успѣхъ лишь по мѣрѣ пріобщенія «демоса» къ одному изъ языковъ желавшей господствовать религіи. Кромѣ того, и достигнутые такимъ труднымъ путемъ успѣхи христіанства были затѣмъ въ значительной мѣрѣ ослаблены господствомъ мусульманскихъ правителей и вліяніемъ ислама, и тѣмъ не менѣе сѣмевъ, брошенныхъ древне-христіанскимъ миссіонерствомъ и въ свое время давшихъ обильные всходы, не заглохли: во многихъ сторонахъ жизни, въ нѣкоторыхъ праздникахъ и обычаяхъ, а равно въ рѣчи — въ названіяхъ нѣкоторыхъ дней и нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, они сказываются до сихъ поръ, несмотря на мусульманскій налетъ на верхахъ и сильныя языческія переживанія внизу, въ простонародіи. Эти христіанскіе элементы слѣдовало выяснить, собрать и использовать прежде всего въ переводахъ, если новое христіанское миссіонерство хотѣло бы быть продолжателемъ дѣла древне-христіанскихъ миссіонеровъ. Ставшія народными абхазскими формы христіанскихъ именъ устранены, такъ Іисусъ Христосъ вм. народнаго Yësa Qrista и т. п.

Въ значеніи церкви у абхазовъ принято мингрельское слово а-оѣвата (этотъ христіанскій терминъ мингрельской чеканки распространенъ и въ известной части Сваніи), но переводчики рѣшили освободиться отъ мингрелизма,

замѣнивъ его абхазскимъ *anəḡaḡa*, между тѣмъ, послѣднее значить собственно *богомоліе*; затѣмъ попробовали было ставить вмѣстѣ оба термина *anəḡaḡa-aofwata*, а въ концѣ концовъ, бросивъ и мингрельское и коренное абхазское слово, использовали никому по-абхазски непонятное греческое *ekklesia* (напр. Мѳ. 16, 18).

Откинувъ ставшіе народными христіанскіе термины грузинскаго, мингрельскаго или иного происхожденія, переводчики однако удержали вкладъ ислама въ абхазскую рѣчь, напр. *ḡaḡanəḡ adz* (Мѳ 16, 18) и десятковъ другихъ.

Мнѣ говорили, будто была инструкція переводить не по смыслу и согласно духу абхазскаго языка, а по буквѣ, придерживаясь рабски славянскаго текста и духа его языка.

Послѣ всего этого будетъ понятно, почему я нашелъ неудобнымъ изученіе абхазскаго языка основывать на абхазскомъ текстѣ Евангелія и вообще на переводныхъ текстахъ. Пока опасаясь вносить изъ нихъ лексическій матеріалъ въ абхазско-русскій словарь.

Естественно, работая надъ записью живыхъ матеріаловъ абхазской рѣчи, я уже на мѣстѣ замѣчалъ, въ какую сторону ослабляютъ или усиливаютъ они мой взглядъ на положеніе абхазскаго языка среди яфетическихкихъ, и частью этихъ попутно всплывавшихъ мыслей я и подѣлюсь, хотя до окончательнаго сужденія по вопросу еще далеко, для этого отнюдь недостаточно и исчерпывающей разработки собраннаго матеріала. Этотъ матеріалъ, во-первыхъ, количественно представляетъ, если не каплю, то все-таки нѣчто слишкомъ незначительное сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ собрать; во-вторыхъ, его слѣдуетъ проверить на мѣстахъ еще по двумъ, а то и по тремъ говорамъ, не говоря о подговорахъ.

Абхазскій языкъ нынѣ распадается на три главныхъ говора: бзыбскій на сѣверѣ, самурзаѣанскій на югѣ и абжувскій въ средней части, однимъ изъ лучшихъ хранителей котораго является селеніе Джгерда¹⁾.

О составѣ звуковъ абхазской рѣчи знакомые съ фонетикою яфетическихкихъ языковъ могутъ получить въ большинствѣ реальное, а въ отношеніи специфическихкихъ ея звуковъ хотя приблизительное представленіе по прилагаемой таблицѣ (табл. I)²⁾. Слѣбну обнародованіемъ ея, такъ какъ въ первомъ

1) Судя по собраннымъ мною даннымъ, эта діалектологическая терминологія можетъ быть значительно подробнѣе развита.

2) Послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ транскрипціи снабжаемыхъ подстрочнымъ знакомъ „,“ обязательна ютація гласныхъ, такъ что для полноты передачи этихъ звуковъ къ нимъ слѣдовало бы прибавить полугласный „у“, напр. *gy, zy, ju* и т. п. (Съ другой стороны, можно бы въ такихъ случаяхъ довольствоваться ютаціею послѣдующихъ гласныхъ, т. е.

моем опытѣ¹⁾, основанномъ не на личныхъ наблюденіяхъ, имѣются непосредственности въ примѣненіи ѳетидологической системы транскрипціи и въ связи съ ними неточности. Къ составу звуковъ абхазскаго языка еще одно замѣчаніе: специфическій губной звукъ, о которомъ писалъ П. Г. Чарал²⁾, дѣйствительно, оказался, по ни бзыбцы, ни первые опрошенные мною абжувцы его не знали: его слышала я первый разъ отъ о. Димитрія Какаліи, священника села Тѣлов, родомъ изъ Моквъ (потомъ и отъ нѣкоторыхъ тамышцевъ) въ словѣ а-ра *тонкій*, въ его произношеніи — а_а. Этотъ взрывной у произносится также пропускомъ воздуха между губъ, но передъ его произношеніемъ недостаточно соприкосновенія ихъ, а требуется плотное наложеніе верхней губы на нижнюю, заходящую внутрь подъ верхніе зубы, причемъ звукъ получается разрывомъ плотно сложенныхъ губъ.

Я обхожу въ настоящей статьѣ молчаніемъ все то, чему мѣсто въ систематическомъ изложеніи грамматики и исторіи абхазскаго языка или въ матеріалахъ для нихъ. Не останавливаясь также на новыхъ деталяхъ, подтверждающихъ связь абхазскаго съ хайскимъ языкомъ Арменіи и сванскимъ, а равнымъ образомъ съ языкомъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей.

Фактическія подробности выпудили меня подвергнуть пересмотру послѣднюю редакцію ѳетической теоріи въ части о взаимномъ отношеніи ѳетическихъ языковъ и внести въ нее нѣкоторую поправку (см. табл. II). Эта поправка давно назрѣвала, и поѣздка въ Абхазію лишь помогла ускорить ея формулировку. Одновременно выяснилась необходимость перехода въ названіяхъ различныхъ типовъ ѳетическихъ языковъ, родовъ и видовъ отъ этнической терминологіи къ чисто лингвистической, во избѣжаніе осложненія совершенно ясной лингвистической перспективы далеко невыясненной этнологической съ ея разнообразіемъ терминовъ, часто многихъ для одного и того же понятія³⁾.

ограничиваться прибавкою къ смягчаемымъ согласнымъ полугласнаго «у», напр. gu, zu, Iy и т. п., подразумѣвая безъ указанія въ начертаніи самихъ согласныхъ ихъ необходимое въ такихъ случаяхъ смягченіе. Дальнѣйшая работа выяснитъ какъ цѣлесообразности того или иного приѣма, такъ болѣе соответственную передачу еще двухъ, трехъ звуковъ, именно №№ 36, 37, 54.

1) У П. Г. Чарал, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ ѳетическимъ*, II, стр. 55—56. Изъ недосмотровъ въ моей собственной работѣ *О положеніи абхазскаго языка среди ѳетическихъ* спѣшу здѣсь указать на случай принятія і > (послѣ гласнаго) «у» въ выраженіи аѳе-у, аѳе-у и т. п. на стр. 11, хотя и гадательно, за суффиксъ Р. падежа, тогда какъ въ данныхъ примѣрахъ это союзъ и (русск.), наличный въ томъ же видѣ і и въ сванскомъ.

2) и. с., § 11, стр. 56, прим. 1.

3) Слѣдующимъ за ѳетидологической литературою не будетъ трудно понять, что въ основу дѣленія на группы положенъ одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной ѳетической фонетики, какъ онъ сказывается между прочимъ и въ падежныхъ окончаніяхъ.

принимаемое наращением грузинского d_3 *de* *сынз*¹⁾, такъ, напр., абхазское *Aḡba*, княжеская фамилія; кстати, оно означаетъ не «сынъ коня» или «коновъ» отъ слова *a-dḡ*, въ какомъ случаѣ фамилія звучала бы **Aḡḡba*; происходитъ оно отъ тубал-каинскаго *ḡa* *небо*: съ абхазскимъ префиксомъ оно должно бы звучать **a-ḡa*, но при сложеніи съ *-ba* префикс *a-* долженъ былъ исчезнуть, и если однако звукъ *a-* держится, то онъ, вѣроятно, иного происхожденія. И, дѣйствительно, въ грузинскомъ та же фамилія представлена въ видѣ bbsd_3 *Anḡaba-de*, и хотя конечнымъ *-de* и затемняется абхазское происхожденіе фамиліи, но въ этомъ заимствованномъ грузинами видѣ древняя абхазская форма (*Anḡaba*) сохранилась полнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ абхазскомъ *Aḡba*. И вотъ основа этой древней формы сохранила не только непочатое слово *-ш-группы* — *ḡa* *небо*, но въ качествѣ приложенія къ нему чрезвычайно любопытное слово *an* *богъ*, которое въ абхазскомъ появляется обыкновенно какъ *plurale tantum* *anḡa* *богъ*, собственно *боги*²⁾. Слѣдовательно, княжеская фамилія *Anḡaba*, нынѣ *Aḡba* могла бы означать «сынъ бога Неба»³⁾. Соответственно этому въ гурійской фамиліи *Totḡbadze* *ḡod-i-ba-de* имѣемъ грузинизованную форму абхазской фамиліи *ḡod-ba*⁴⁾, произведенной съ абхазскимъ суффиксомъ *ba* отъ тубал-каинскаго *ḡod* ($\text{||d}u\text{ḡ}$), долженствовавшаго означать *тысяцъ*, «*луна*» (ср. м. и ч. ḡḡḡ *ḡud-a* *луна*): фамилія эта, слѣдовательно, могла бы означать «сынъ мѣсяца» или такъ называемаго мужского бога «луна».

Но возвращаясь къ вопросу объ истертости абхазскаго языка, для иллюстраціи которой и приведена фамилія *Margania*: въ абхазскомъ она появляется безъ мингрельскаго нароста *-ia*, но съ утратою группы *rg* въ видѣ *Maḡn* (< *Margān*), мн. *Maḡnāḡ*.

Къ связи съ языками Арменіи упомяну здѣсь лишь объ одномъ новомъ наблюдении семасіологическаго характера, именно о томъ, что въ абхазскихъ числительныхъ, когда они стоятъ самостоятельно, появляется суффиксъ *-ba*, напр. *ḡiba* *пять*, но основа его *ḡi*, отсюда *ḡin* *ѣдъ пять разъ*, *ḡiḡ* *пятисотъ* и т. п. Слово *ba* (resp. *pa* или *ḡa*) въ качествѣ суффикса значить *сынъ*, съ его помощью образуются абхазскія фамиліи, но въ числительныхъ его появленіе кажется совершенно непонятнымъ, если не обратитъ вниманія на

1) Точнѣе, сохранившагося въ грузинскомъ *сынъ*, такъ какъ коренное, т. е. карфское слово въ значеніи *сынъ* въ грузинскомъ ḡḡḡ *shwīl-i*, а d_3 *de* вмѣстѣ съ глаголомъ d_3 *dēna* *приобрѣтать, рождать* представляетъ заимствованіе, пожалуй, изъ сванскаго (ср. корень *ḡp* въ ḡḡḡḡḡ *li-ḡvenī* *рожденіе, рождать*, ḡḡḡḡḡ *lō-ḡne* *родимый*, ḡḡḡḡḡ *li-ḡne* *рождається*, лент. *говори*, ḡḡḡḡḡ *li-ḡenī*).

2) П. Чарая, ц. с., § 10, 65.

3) *ḡa* появляется и въ составѣ мужского имени *ḡagu*.

4) или *ḡod i-ba*, въ какомъ случаѣ *i-* — префиксъ отношенія къ опредѣляющему слову (*ḡod*).

то, что абхазскій не имѣетъ порядковыхъ числительныхъ, какъ будто ихъ не имѣлъ никогда или утратилъ безслѣдно, на самомъ же дѣлѣ онъ утратилъ понятіе о порядковыхъ числительныхъ, сохранивъ ихъ формально, и въ числительныхъ въ сложении со словомъ *ба*, означающимъ *сынъ*, имѣетъ переживание абхазскихъ порядковыхъ числительныхъ; въ языкахъ Арменіи, и въ айскомъ, и въ армянскомъ такъ, именно съ помощью слова *որդ* ord, остатка *որդի* ordi *сынъ*, образуются порядковыя числительныя отъ количественныхъ, напр. *Հինգ հինգ* *пять* — *Հինգերորդ* *hinger-ord* *пятый*, буквально *сынъ пяти*¹⁾.

Здѣсь не вхожу въ детали языковыхъ явленій, имѣющихъ хотя и большое значеніе, но исключительно для науки объ языкѣ, для лингвиста-сравнителя или историка языка. Остановлюсь я на двухъ, трехъ явленіяхъ, имѣющихъ значеніе для археологій Кавказа, поскольку археологія заинтересована въ правильномъ освѣщеніи этнологическихъ вопросовъ, и прежде всего для крупной очередной проблемы объ иммиграціи ячетическихъ племенъ и народовъ съ юга на Кавказъ, объ ихъ расселеніи и взаимномъ trenii.

Что абхазы и сваны двигались съ юга на сѣверъ, въ общихъ штрихахъ намѣчено уже мною какъ въ печатной работѣ *Исторія термина «абхазъ»*²⁾, такъ и въ докладѣ, читанномъ въ полбрьскомъ засѣданіи Археологическаго Общества «Изъ поѣздокъ въ Сванію»³⁾. Тогда же выяснилось, что, напр., сванское вліяніе сказалось въ грузинскомъ древне-литературномъ языкѣ, и его отнюдь нельзя объяснять вліяніемъ загнанныхъ въ Кавказскія горы свановъ на рѣчь грузинъ, а приходится учесть, какъ доказательство наличности на южной окраинѣ Грузіи сванскаго языка или сильно насыщеннаго сванскими элементами какого либо говора картскаго, т. е. грузинскаго языка еще въ эпоху, когда слагалась древне-грузинская христианская письменность, значитъ по традиціонному представленію — въ V-мъ вѣкѣ.

Такое же значеніе мы придаемъ отложеніямъ абхазской рѣчи въ различныхъ говорахъ грузинскаго, точнѣе картскаго языка, да и въ древне-литературномъ грузинскомъ.

Въ послѣднемъ любопытно отмѣтить такой малозанимаемый терминъ, какъ названіе одного изъ четырехъ временъ года, пѣз древне-грузинскаго перешедшее и въ новый. *Лѣто* по-грузински звучитъ ლეტო ლეტო (*sa-*qun*); это абхазское слово *à-qún*, но эпохи до перебоя сибиланта ш (въ

1) Н. Марр. *Грамматика древне-армянскаго языка*, § 150. Любопытно, что въ живыхъ армянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ мохскомъ, порядковыя числительныя также утрачены.

2) И. А. Н., 1912, стр. 697—706.

3) Печатается въ Христ. Вост., 1913.

Если мы двинемся еще дальше, еще южнее, то и там найдем, такъ въ языкахъ Арменіи, тотъ же суффиксъ мн. числа г, но, какъ въ языкахъ -ш-группы, съ предшествующимъ о-, окаменѣвшимъ именнымъ окончаніемъ основы, въ названіяхъ плодовыхъ деревьевъ и какъ своего рода *pars pro toto* — самихъ плодовъ, напр. *շըր* шəl-ог *смаа*, *խծար* чəп+й-ог *яблоко*.

Корни этихъ послѣднихъ словъ — также яфетическіе, такъ — *շըր* шəl-ог отъ двухслогнаго корня шl типа -ш- группы, которому въ картскомъ языкѣ долженъ соответствовать sl, а въ сванскомъ ql или діалектически, съ перебоемъ l въ w, qw: въ наискомъ на лицо *սար* sal-ог *смаа*, при томъ же суффиксѣ по корню примыкающее къ типу -s- группы, а корень сванскаго типа ql сохранился въ грузинскомъ *ქვასო* qli-av-i (< *qal-iv-i), также въ формѣ мн. числа, но типа -ш-группы.

Въ предшествовавшихъ цитованныхъ уже работахъ намѣчалось однако не только вообще миграціонное движеніе яфетическихъ племенъ съ юга на сѣверъ въ Сванію и Абхазію, но и специально то племя, которое проникло въ послѣднюю страну и, осложнивъ языкъ ея населенія яфетическимъ слоємъ извѣстнаго типа, дало ему свое названіе. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно было констатировать въ только-что совершенную побѣдку, что *дворяне* у абхазовъ называются *à-атəḥḍa*, *одинъ изъ дворянъ* *атəḥḍàk*, отсюда *а-атəḥḍàḥa* *благородный, въѣздившій, деликатный*, букв. *по-дворянски*. Хотя отъ *à-атəḥḍa* абхазы образуютъ теперь мн. ч. *à-атəḥḍaḥa*, но это — обычное недоразумѣніе, въ устахъ народа съ языкомъ мѣшанаго типа, самому процессу возникновенія котораго сопутствуетъ затемнѣніе языковой психологіи въ отношеніи многихъ категорій. Въ данномъ случаѣ недоразумѣніе основано на потерѣ сознанія, что основа *атəḥḍa* или *атəḥḍ* уже стоитъ во множественномъ числѣ: *ḥa > ḥ* есть яфетическій показатель множественности, въ качествѣ переживанія появляющійся и въ нѣкоторыхъ абхазскихъ мѣстоименіяхъ¹⁾; по существу появленіе все-таки показателя множественности *ḥa* столь же позднѣе въ концѣ слова, какъ въ началѣ его — вторичное появленіе обычнаго абхазскаго префикса *а-*, который на лицо уже въ основѣ *а-+тəḥḍ*²⁾. То же самое замѣчаемъ въ національномъ, какъ сейчасъ себя именуютъ абхазы (впрочемъ, повидимому, не всѣ), названіи *à-аḥs-wa*, Стянутая основа *ḥs* вм. *ḥas*, имѣющая уже абхазскій префиксъ *а-* (*аḥs*), воспринята какъ чистая основа и снова получила тотъ же абхазскій пре-

1) Н. Марръ, *О положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 14, § 7, а, 2.

2) Если этотъ начальный *а* въ *а-тəḥḍ*, какъ и въ приводимомъ ниже *аḥs* не представлятъ выдвинутой впередъ внутренней огласовки, т. е. *атəḥḍ*, resp. *атs* вм. *тəḥḍ* и *аḥs* вм. *ḥas*.

фиксъ â-afs-, по здѣсь другой показатель множественности, какъ сейчасъ увидимъ, позднѣе внесенный въ абхазскую рѣчь.

Что касается термина â-a + mäs-ða *дворянинъ*, собственно *дворяне*, то его дѣйствительная основа безъ абхазскаго префикса, по съ суффиксомъ мн. числа ð или ða, т. е. mäs-ð или mäs-ða представляетъ, по всей видности, этническій терминъ, отличный отъ хорошо извѣстнаго mäs-č только тѣмъ, что здѣсь другой, также впрочемъ наличный въ абхазскомъ, суффиксъ мн. ч. č (абх. q, resp. q-wa), основа же ихъ тождественна. Итакъ, если раньше, на основаніи исторіи термина абхазъ¹⁾, точнѣе a-bas-č > a-bas-q, абхазовъ мы въ извѣстной мѣрѣ, именно насколько они по языку связаны съ яфетическими племенами, производили отъ месховъ или «масх»овъ (месоховъ, маскуіовъ), то теперь получаемъ нѣкоторое основаніе, чтобы утверждать, что эти яфетиды «масх»и въ абхазахъ, народѣ мѣшанаго происхожденія, входили преимущественно въ составъ знати, составляли дворянство.

Какъ будто опредѣляется и время, когда въ предѣлахъ позднѣйшей Абхазіи, къ нашему времени значительно сузившихся, появились эти масх-или мäsč- яфетиды, давшіе населявшему ее народу съ новымъ лингвистическимъ матеріаломъ для перерожденія его рѣчи не только *дворянство* — â-a + mäs-ða, но и общее національное *названіе* — у него самого â-afs-wa, въ устахъ большинства другихъ народовъ — a-bas-č и его разновидности.

Впервые абхазы упоминаются, при томъ — въ совершенно правильной формѣ Ἀβασχοί (A-bas-k вм. A-bas-q), во II-мъ вѣкѣ у Арріана. Это не значитъ, конечно, что до императора Адріана абхазовъ въ этомъ районѣ не было. Страбонъ раньше упоминаетъ о Ζυγσί, а Zi-g'ы пли, что — то же, Zi-č'ы (Ζυχσί, Ζυγσί, Ζήχσι, Ζήχχσι), нынѣ A-däg'ы, не только лингвистически, но и по происхожденію самого названія находятся въ тѣсной связи съ абхазами²⁾. Фактъ тотъ, что со II-го вѣка по Р. Хр. абхазы начинаютъ играть уже политическую роль, которую, конечно, нѣтъ основанія отождествлять съ этническимъ ихъ существованіемъ въ странѣ. Со II-го вѣка ихъ сила идетъ въ гору, предѣлы ихъ политическаго господства расширяются. Въ первую очередь они вытѣсняютъ эніоховъ (ἐνιοῦ). Саны, племя эніоховъ, застрѣваютъ еще на небольшой полосѣ съ сѣвера, отъ Псу до Сочи, гдѣ они наблюдаются, по Анониму V-го вѣка, до V-го вѣка³⁾, но въ теченіе вѣковъ, протекшихъ

1) П. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*, стр. 700.

2) Напомню только зависимость древнѣйшей географической номенклатуры Кавказа, напр. Фазиса и др., отъ этническаго термина a-baz-č.

3) Kiessling, и. с., ниже, стр. 276².

между Прокопием и Константином Багрянороднымъ, абхазы занимаютъ и страну послѣднихъ саноу¹⁾. Рѣчь у Kiessling'a, выводы котораго цитую, очевидно о послѣднихъ санахъ въ предѣлахъ настоящей Абхазіи, но и это не совсѣмъ вѣрно: саны продолжаютъ не только существовать, но и процвѣтать и послѣ V-го вѣка; я съ одной стороны имѣю въ виду «зан»овъ (въ сванской формѣ мн. числа *zan-ag*, какъ до сихъ поръ называютъ сваны мингрельцевъ), отъ какого этническаго названія сванская форма мѣста *La -z[ən]*²⁾ лежитъ какъ въ терминѣ *лазз*, такъ въ основѣ греческаго названія обширной населявшейся или захватывавшейся лазами территоріи, *Λαζική*, куда и позже входила Абхазія; съ другой стороны, слѣдуетъ помнить о *tan'ax* (въ сванской формѣ мн. числа — *tan-ag*), которые иммигрировали съ давнихъ поръ въ Кавказскія горы въ Сванію и далеко на востокъ отъ нея, гдѣ они извѣстны и позже, съ IX-го вѣка, особенно во время похода арабскаго полководца Буѣи, писателямъ армянскимъ въ формѣ *Ժափար tan-ag* и арабскимъ — въ формѣ *الصنارية* (سناریة), ср. *Σαναρῆται* Птолема).

Конечно, усиленіе абхазовъ съ V-го вѣка продолжается, а нѣсколькими вѣками позднѣе абхазское царство достигаетъ почти предѣловъ распространенія господства древнихъ эніоховъ: абхазы тогда соперничаютъ на югѣ съ армянскимъ царствомъ въ предѣлахъ Ширака, но этнически ихъ въ этомъ царствѣ вскорѣ смѣняютъ карты или картвелы, т. е. грузины.

Этнологическій интересъ имѣетъ смѣна *nenioq'ov* или, что то же, какъ теперь выясняется, *tan'ov* (*san'ov*) абхазами настолько, насколько съ лингвистическимъ возобладаніемъ можетъ быть связана исторія этническихъ миграцій и лингвистическихъ перерожденій. Этотъ вопросъ однако показаніями историческихъ памятниковъ не рѣшить; не помогутъ и греческіе географы. Единственный путь изученія дошедшихъ до насъ богатыхъ этнографическихъ матеріаловъ, прежде и больше всего анализъ самого абхазскаго языка. То, что абхазамъ въ ихъ странѣ предшествовалъ другой народъ, и именно *tan'y*, какъ будто оставило нѣкоторый слѣдъ и въ весьма скудной историческими отголосками живой старинѣ абхазовъ. Со словъ Н. С. Джанашии я записалъ слѣдующее абхазское преданіе: „Первоначально Абхазію населялъ народъ изъ малолетнихъ людей. Ихъ звали *à-tan*, мн. *tanàä*. Единственное животное у нихъ былъ козелъ. Разъ днемъ въ прекрасную погоду люди сидѣли обществомъ, и одинъ изъ нихъ, старецъ, замѣтилъ, какъ у козла трясется борода. Старецъ сказалъ: «видите-ли, какъ у него трясется борода. Это знаменуетъ, что поднимется страшный вѣтеръ и погибнетъ міръ». И, дѣйствительно, подня-

1) Kiessling, ц. с., стр. 2771.

2) См. ниже, стр. 331, прим. 3.

лась буря и смела все населеніе малорослыхъ людей. Слѣды того; что они жили въ Абхазіи, — остатки построекъ: это — глыбы камней, называемыя абхазами *à-tan aɣwàra* или *tanàa rgwàra*, т. е. *ѵанская ограда* или *ограда ѵановъ*⁴⁴. Кстати, одна фонетическая мелочь не лишена значенія для важнаго по существу вопроса, который встанетъ передъ нами позже: абхазы мнѣ произносили *tan* съ слабымъ *n*, — настолько слабымъ, что иногда, особенно въ паузѣ, онъ былъ мнѣ неслышенъ.

И по болѣе близкомъ ознакомленіи съ абхазскимъ остается въ силѣ положеніе о сложности яфетическаго его слоя, вскрытой первой же попыткою сравнительно-историческаго анализа даннаго языка. Особенно ярко было въ этомъ смыслѣ свидѣтельство образовательныхъ элементовъ мн. числа. Къ нимъ теперь прибавились другія морфологическія и синтаксическія явленія, которыя дали возможность поставить вопросъ объ ихъ историческомъ генезисѣ. Изъ многочисленныхъ абхазскихъ показателей множественности, характеризующихъ особые типы яфетическихъ языковъ, три заслуживаютъ преимущественнаго вниманія, такъ какъ они особенно сильно конкурируютъ другъ съ другомъ въ абхазской рѣчи и являются наиболѣе существеннымъ ея отличіемъ въ соответственной категоріи: это 1) *r* (*ra*), 2) *q*, съ которымъ связанъ и *š*, и 3) *wa*. Всѣ три, какъ уже выяснилось (а теперь наблюдаемы къ тому еще и новые случаи), встрѣчаются въ той или иной категоріи словъ и формъ самостоятельно, но обыкновенно они являются въ соединеніи въ видѣ *ra-q-wa* или *ra-ša* (< **ra-š-wa*), свидѣтельствуя во-очію, фактомъ послѣдовательнаго наращенія одного показателя множественности на другой, о постепенномъ наслоеніи элементовъ одного языкового типа на другой и въ связи съ этимъ объ этническомъ осложненіи абхазской народности соответственными племенными слоями. Что стоящій на послѣднемъ мѣстѣ *wa* характеризуетъ вліяніе языка такъ называемой тубал-каинской группы, т. е. *-in-* группы, — это уже выяснено, и съ нимъ отпадаетъ вопросъ о наиболѣе позднемъ инородно-яфетическомъ вкладѣ въ абхазскій языкъ, особенно обильный и *ѵанизмами* или *лазизмами*, и всевозрастающими по-сейчасъ *мингрелизмами*.

Чрезвычайно важнымъ представляется хронологическое опредѣленіе момента сліянія двухъ другихъ элементовъ, составляющихъ остальную часть — *ra-q* или *ra-š*. Первымъ изъ нихъ, т. е. *ra*, абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь, съ одной стороны, съ сванскимъ языкомъ (св. *min-* *-ar*), съ которымъ у него и другія точки особаго сродства, съ другой стороны — съ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго свое образованіе мн. числа на *e-ar* унаслѣдовалъ аринзованный армянскій языкъ; вторымъ

суффиксомъ, т. е. *q*, абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь съ другимъ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго унаслѣдовалъ свое образованіе мн. числа на *q* (равно на *ḡ*, также наличный въ абхазскомъ), второй аризонанный языкъ Арменіи, именно древне-литературный, мною называемый хайскимъ, хотя тотъ же суффиксъ *q* въ видѣ первичнаго его недезаспированнаго эквивалента *ḡ* появляется и въ сванскомъ, но спорадически — лишь въ нѣкоторыхъ категоріяхъ глагольных формъ. И вотъ вопросъ, кардинальный для лингвиста, желающаго уяснить исторію абхазскаго языка, — «который изъ нихъ основной, первоначальный въ абхазскомъ?» и не менѣе важный для этнолога: «гдѣ сошлись эти два элемента?», т. е. произошло ли это сліяніе впервые въ предѣлахъ Абхазіи, куда различныя яфетическія племена притекали все новыми и новыми переселенческими волнами, осложняя одинъ, первичный, яфетическій слой другимъ, вторичнымъ и третичнымъ, или весь этотъ процессъ этническаго и съ нимъ лингвистическаго скрещенія произошелъ еще на первородниѣ или на болѣе древнемъ этапѣ миграціоннаго движенія? Въ послѣднемъ случаѣ, насколько дѣло касается яфетическаго состава абхазской рѣчи, онъ, яфетическій составъ, долженъ былъ проникнуть въ предѣлы Абхазіи уже въ осложненномъ видѣ. Этотъ вопросъ чрезвычайно чреватъ послѣдствіями для основной проблемы о вѣдреніи съ юга и расселеніи яфетическихъ народовъ по Кавказу. Поэтому надо собраться со всѣми силами, подготовить матеріалы для освѣщенія поставленнаго вопроса со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ разрѣшать его; между тѣмъ и съ точки зрѣнія однихъ хотя бы лингвистическихъ матеріаловъ Абхазіи дѣло находится въ начальной стадіи разработки, и потому на этомъ ставлю точку. Не скрываю, однако, что сдѣланная уже работа насъ настраиваетъ въ пользу сложности этническаго состава и привнесенной мѣшаности типа языка вселявшагося впервые въ предѣлы Абхазіи яфетическаго народа.

Остановлюсь лишь на двухъ явленіяхъ, правильное освѣщеніе и оцѣнка которыхъ также могли бы представить извѣстный вкладъ въ матеріалы, необходимые для отвѣта на поставленный вопросъ о мн. числѣ въ абхазскомъ, а въ связи съ нимъ — и для рѣшенія основной проблемы о миграціи яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ, въ первую очередь, понятно, на Кавказъ. Одно явленіе — названія народовъ съ суффиксомъ мн. числа *ḡ* > *q*, какъ кол-хи, таохи и др. Теперь совершенно ясно, что хотя этотъ суффиксъ и яфетическій, но онъ не принадлежитъ ни языкамъ -s- группы, напр. грузинскому, ни языкамъ -ш- группы, т. е. иверскому (мингрельскому) и чанскому (лазскому). Суффиксъ мн. числа *ḡ*, слабо представленный и въ

наличномъ сванскомъ, есть неотъемлемая существенная особенность того развѣтвленія языковъ, которому принадлежитъ, съ одной стороны, одинъ изъ основныхъ слоевъ абхазскаго языка, съ другой — яфетическій языкъ Арменіи, отложившійся переживаніями въ аринзованномъ языкѣ Арменіи, древне-литературномъ или хайскомъ. О кавказскихъ народахъ съ $\acute{q}$ въ концѣ названій говорятъ наиболѣе древнія свѣдѣнія классическихъ источниковъ о Кавказѣ. Народы эти въ этой, хотя бы, мѣрѣ являются первыми, выступающими на видную для западныхъ народовъ историческую арену. Нѣтъ, конечно, основанія провозглашать абхазами или «абхазопдами» всѣ яфетическія племена, названія которыхъ у классиковъ сохранились по типу съ суффиксомъ $\acute{q}$; но самый фактъ распространенія этого суффикса свидѣтельствуетъ о первенствующемъ значеніи въ определенномъ районѣ и въ соответствующую эпоху племенъ, лингвистически характеризуемыхъ этимъ показателемъ множественности.

Въ связи съ этимъ едва-ли лишена значенія открывающаяся теперь возможность истолковать матеріалами изъ абхазскаго языка нѣкоторые термینی, связываемые греками съ сказаніемъ объ аргонавтахъ, и прежде всего Κύτα , названіе резиденціи царя въ странѣ колховъ. Давно дѣлалось отождествленіе его съ Кутансомъ на Фазисѣ-Ріонѣ; наличное грузинское названіе Quḁ-a-is-i представляетъ огрузинившійся видъ не только окончаніемъ Р. падежа $-is$, но и суффиксомъ $-aḁ$, такъ какъ древне-грузинскій видъ названія — Quḁ-aḁ-is-i^1), отсюда еще у Прокопія — Κουτατίσιον ; что касается основы Quḁ или Quḁa , по-грузински она ничего не означаетъ, а по-абхазски это именно и есть форма названій мѣстности, ибо таковыя въ абхазскомъ образуются между прочимъ съ помощью суффикса $-ḁa$. Болѣе того, весьма возможно, что $\text{quḁa}||\text{Κύτα}$ по существу и не названіе, а нарицательное имя, означавшее на мѣстномъ языкѣ *село*, *городъ* или что либо подобное. И, дѣйствительно, на абхазскомъ qḁa (а- qḁa) значить *селеніе*.

Тотъ же абхазскій суффиксъ $-ḁa$, въ видѣ ли первичной его ступени $-ta$, какъ его имѣемъ въ древней греческой транскрипціи (Κύ-τα), или переходной — $-da$ и позднѣйшей — $-ḁa$, сохранился въ цѣломъ рядѣ географическихъ названій Абхазіи, какъ, напр., Tebel-da , Dran-da , Ḑgar-da , Gwa-da , Gumis-ḁa и др.

Сюда же вынуждены мы относить отселѣ и названіе несравненно болѣе важнаго по своему историческому значенію пункта Абхазіи — Пидунды, въ различныхъ его видахъ: * Pitun-ta , воспринятаго греками въ формѣ Πιτι-ούν-τα , какъ В. падежъ, и возведеннаго къ II. Πιτιούς , Pitun-da , и δοῦνδοος

1) Собственно, какъ видно изъ послѣдующаго, вм. Quḁa-aḁ-is-i .

Biṭvin-ḡa. Любопытно то, что хотя суффикс представленъ въ нихъ абхазскій, на всѣхъ трехъ ступеняхъ развитія (-ta > -da > -ḡa), но основа не абхазская. Не касаясь вопроса о созвучіи основы съ греческимъ *πίτυς* *сосна* и вообще объ ея происхожденіи, въ ней имѣемъ слово, распространенное среди яфетидовъ съ этимъ именно значеніемъ, по-грузински звучащее въ звукосоставѣ -ш- группы — *ᲑᲗᲗᲗ* *ṗiṭu-i* (> *biṭu-i), а въ звукосоставѣ -s- группы **riṭu-i* (> *riḡu-i*), откуда съ постановкою ихъ во мн. числѣ *kárt-*скаго типа **biṭun*, **riḡun* и съ абхазскимъ суффиксомъ мѣста — **Biṭun-ḡa*, съ такъ называемымъ сванскимъ раздвоеніемъ *u* — *Biṭvin-ḡa* и *Piḡun-da*¹⁾. Въ пользу реальности этого толкованія можно привести не только свидѣтельство Страбона, помѣщающаго здѣсь «сосновый лѣсъ» (Страбонъ могъ руководствоваться созвучіемъ географическаго названія съ греческимъ словомъ *Πίτυς*), пли тотъ фактъ, что слово въ звукосоставѣ *Piṭu* безъ абхазскаго суффикса -ḡa и съ именнымъ окончаніемъ -е (-ш-группы), именно **Piṭwe* (> *Piṭe*), и появляется въ качествѣ названія приморскаго города Лазистана — *Вѣѣ* (*Vite*), у Арріана занесеннаго въ формѣ *Πυζίτης*.

Значительно сѣвернѣ пункта, гдѣ находилась Пицунда, до сего дня сохранился приморскій поселокъ, нынѣ хорошо извѣстная лѣчебная и дачная мѣстность Сочи, собственно *Soṭ-i*, основа какового названія *Soṭ* также значить *сосна*, но уже на языкахъ другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, къ которому примыкаетъ и абхазскій *mza*. Эквивалентомъ *ᲑᲗᲗᲗ* *soṭ-i* въ мингрельскомъ имѣемъ *ᲑᲗᲗᲗ* *poṭ-i* *сосна*, которому въ грузинскомъ соответствуетъ вполне закономѣрно *ბძგ* *paḏv-i* (< **paṭw-i*, послѣднее съ озвонченіемъ ожидаемаго у s-группы *t*, въ соотвѣтствіе *t* въ -ш- группѣ, восходитъ къ **paṭw-i*), что однако значить и *кедръ*.

Въ высшей степени поучительно это сплетеніе яфетическихъ лингвистическихъ элементовъ различныхъ развѣтвленій въ географической номенклатурѣ Абхазіи, особенно двухъ а) внесенныхъ вліяніемъ -ш- группы и б) основныхъ для абхазскаго: иногда на лицо обличеніе абхазской темы слова въ привнесенный яфетическій морфологическій костюмъ, иногда — нарастаніе абхазскаго морфологическаго элемента на привнесенную яфетическую, особенно изъ -ш-группы, основу.

Отмѣченный фактъ, все болѣе и болѣе наблюдаемый въ различныхъ категоріяхъ терминовъ не только Абхазіи, но и смежныхъ съ нею странъ, открываетъ новый горизонтъ для одного чрезвычайно важнаго этнологиче-

1) *Biṭvin*, гспр. *Biṭvin* могъ бы представлять собою и морфологически особую категорію, именно правильный *P.* надежъ по -п-группѣ отъ основы *Biṭu*, если бы суффиксъ *ḡa* требовалъ такого надежа.

скаго вопроса, именно вопроса объ энохахъ или *henioq'aхъ*. Это и есть то второе, и въ этотъ разъ послѣднее явленіе, на которомъ мнѣ хотѣлось бы остановиться. Вопросъ о *henioq'aхъ* въ такой степени лежитъ въ центрѣ всѣхъ вопросовъ о миграціяхъ левгическихъ народовъ, что недавно Kiessling въ замѣткѣ¹⁾ объ *Ἡνιοχα*, помѣщенной въ новой переработкѣ Paulys Real Encyclopädie, счелъ себя въ правѣ внести — нѣсколько неожиданно — обсужденіе всей проблемы о разселеніи народовъ въ Закавказьѣ. Интересенъ заключительный выводъ.

«Если приморскіе предѣлы малоазійскихъ эноховъ опредѣляются довольно точно (*recht genau*), то нельзя сказать, чтобы совершенно не было у насъ свѣдѣній (*Notizen*) географическаго и историческаго характера для обрисовки внутренняго распространенія этихъ иммигрантовъ по крайней мѣрѣ въ грубыхъ контурахъ, хотя, правда, свѣдѣнія эти до сихъ поръ не обращали на себя вниманія и безъ пользы пропадали. На основаніи ихъ все-таки можно признать фактъ, въ высшей степени важный антропологически и этнографически, что энохи проникали далеко во внутрь и въ сторону армянскаго плоскогорія. Ихъ миграціи вовсе не были ограничены однѣми только странами Понтскаго побережья (*das pontische Gestadeland*). Поэтому энохи являются съ гораздо болѣе внушительнымъ вліяніемъ: они должны были привести въ движеніе несмѣтныя народныя массы и распространиться по сѣверовостоку Малой Азіи²⁾».

Чрезвычайно поучительная обработкою свѣдѣній греческихъ и латинскихъ писателей, статья ставитъ совершенно вверхъ дномъ реально-историческія условія передвиженія мѣстныхъ народовъ. Авторъ не имѣетъ яснаго представленія о мѣстныхъ языкахъ и съ завиднымъ спокойствіемъ классика, отнюдь не интересующагося варварскими матеріалами, предполагаетъ движеніе эноховъ съ сѣвера на югъ въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что наука въ правѣ считать болѣе или менѣе установленнымъ на основаніи реальныхъ лингвистическихъ данныхъ, да нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній какъ греческихъ, такъ и болѣе древнихъ, библейскихъ.

Собственно *Ἡνιοχα*, какъ показалъ уже I. A. Орбели въ статьѣ «Городъ близнецовъ ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возникъ *HNIOXOI*»³⁾, представляетъ искаженную на основѣ греческой такъ называемой народной этимологіи форму первоначальнаго **heniq*, двойника *sanig* (*Σανίγ-αι*, *Sanic-us*). Кака-

1) На нее съ обычною предупредительностью обратилъ мое вниманіе Я. И. Смирновъ.

2) Ц. с., стр. 272².

3) Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, 1911 г., апрѣль, отд. класс. филол., стр. 209—215.

тельно восстановленного I. А. Орбели *heniḳ сѣдуетъ однако сдѣлать одну, другую оговорку. Во-первыхъ, основа hen представлена съ позднѣйшимъ, какъ увидимъ, ослабленіемъ: полная форма этого вида съ огласовкою е — *heun, а праформа *haun. Во-вторыхъ, въ *heniḳ, точнѣе *heuniḳ (< *hauniḳ) гласный передъ этническимъ суффиксомъ ḳ, т. е. какъ уже выяснено, сращенное именное окончание (i||e¹) представляетъ въ свою очередь перебой первоначальнаго u||o, такъ что первоначальный видъ термина получаемъ не *hen-+i-ḳ, а *hen-+o-ḳ, точнѣе *heun-+o-ḳ (< *haun-+o-ḳ). Я лишь мимоходомъ указываю, что при такой разновидности пра-формы получается соблазнительная опора въ созвучіи для гипотезы ъфетическаго происхожденія имени *Энохъ*, которую, какъ мнѣ извѣстно, сейчасъ занялъ кн. И. А. Джаваховъ въ работѣ объ ъфетическихъ эпонимныхъ именахъ въ библейскомъ родословіи. При существованіи формы *henoḳ грекамъ оставалось, чтобы признать въ немъ по созвучію свое Ἐνωχ, исказить его вставкою не о, а i. Такъ или иначе, намъ сейчасъ важно отмѣтить то, что, принадлежа по суффиксу ḳ къ тому развѣтвленію ъфетическихъ языковъ, представителемъ котораго является между прочимъ абхазскій, по основѣ hen или точнѣе heun (< *haun), эквиваленту слова sap, восходящаго къ пра-формѣ saun, терминъ относится къ другому, именно -n-развѣтвленію по принятой лингвистической терминологіи²).

Разновидности самой основы термина многочисленны, смотря по району распространенія или эпохѣ, которой онѣ принадлежатъ. Есть разновидности по чередованію начальнаго согласнаго, ассимилированнаго t или слабыхъ его представителей—tan, fan, fan, fan, *man, san (> zan). Есть разновидности большинства перечисленныхъ видовъ по перегласовкѣ, вызывавшейся утраченнымъ вторымъ кореннымъ полугласнымъ «у» или его двойникомъ w, такъ какъ пра-формы перечисленныхъ разновидностей—*taun, faun, *saun, *shaun или *sawn, *shawп и т. п., отсюда при извѣстныхъ элементарно простыхъ и давно выясненныхъ перерожденіяхъ гласнаго «а» въ группѣ съ полугласнымъ «у» (русск. «й») или w могли получиться и дѣйствительно существовали — teun > fen, son, шоп и т. п.

Теперь уже выяснено, что соны, чѣмъ то же сваны³), носятъ нынѣшнее свое названіе какъ навязанное имъ въ результатѣ политическаго господства

1) I. Орбели, ц. с., стр. 213, см. также 214.

2) Принято было такое пониманіе термина sap потому, что такъ и именуютъ одинъ изъ народовъ второго развѣтвленія, именно лавы, у сѣверей: грузины до сихъ поръ называютъ лавовъ чанамъ, а fan, геор. fan лишь разновидность термина sap. Мингрельцы о fan'ахъ сохраняютъ представленіе, какъ о народѣ, расположенномъ на югѣ отъ нихъ, въ терминѣ ჯან-ბან (fan botia южный *отверъ*, букв. *чанскій* т. е. *чанскій* *отверъ* (I. Кипшадзе, *Мингр.-русскій словарь*, подъ ჯან-ბან).

3) По картскому раздвоенію «о» нъ wa.

чановъ-саповъ, точнѣе *саѹновъ (*sawp'novъ) и въ связи съ этимъ — смѣшенія съ ними, отражившагося и на составѣ сванскаго языка, полнаго такъ называемыхъ тубал-каинизмовъ или особенностей языковъ этой -ш-группы.

Въ свою очередь, и видъ sap съ перебоемъ s въ спирантъ h представлялъ не только съ огласовкою е, какъ напр., въ *henoq или *heniq, обращенномъ греками въ Ἠνίοχοι, гдѣ hen восходитъ къ пра-формѣ *hawn, но и въ видѣ hon, восходящемъ къ пра-формѣ *hawn, что помимо армянскаго этническаго термина հոն hon-q I. А. Орбели правильно указано въ рядѣ географическихъ терминовъ, свидѣтельствующихъ о расселеніи племени съ этимъ именемъ въ предѣлахъ нынѣшней Имеріи (Имеретія), именно ἡ ὄρε ἰον-ί (<*hon-i), 1) селеніе въ Шорапанскомъ уѣздѣ, 2) мѣстечко и селеніе въ Кутапскомъ уѣздѣ, и ὄρε ἰον-ί (<*hon-i) въ Рачинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ случаяхъ Кутапской губерніи. Нельзя однако рѣшительно прикнуть къ мнѣнію I. А. Орбели¹⁾, что съ henoq'ами не имѣетъ ничего общаго др.-гр. *ἡ ὄρε ἰον-ί *hone > ἡ ὄρε ἰον-ί hune конь, откуда въ сложеніи съ gir, resp. ger сндо не только ὄρε ἰον-ί onagir-i (<*hona-gir-i) или ἡ ὄρε ἰον-ί huna-gir-i (<*huna-gir-i), resp. ἡ ὄρε ἰον-ί huna-ger-i какъ въ грузинскомъ, но и ἡ ὄρε ἰον-ί hun-gir, какъ въ сванскомъ (диал.: шх, Ч ἡ ὄρε ἰον-ί ungir, тр ἡ ὄρε ἰον-ί hingir, м ἡ ὄρε ἰον-ί hængir, тх ἡ ὄρε ἰον-ί upagir). Трудно отказаться отъ мысли о связи древне-грузинскаго названія лошади ἡ ὄρε ἰον-і *hone > ἡ ὄρε ἰον-і hune съ этническимъ терминомъ hon, двойникомъ *henoq, искаженнаго въ Ἠνίοχοι, которые, къ слову сказать, славились какъ выдающіеся наѣздки и отчаянные разбойники, пираты. Въ грузинскомъ имѣется и другой этническій терминъ — tati-k арабъ, въ формѣ ἡ ὄρε ἰον-ί tait-i (<*tati-i, ср. татикъ tatic), также обратившійся въ нарицательное имя, означающее коня, въ частности мерина.

Болѣе того, въ грузинскомъ и терминъ *ристать, скакать на лошади* რისტაბ ზენ-ება происходитъ отъ основы რისტ- ზენ-, означавшаго, по всей видимости, коня²⁾, притомъ опять таки въ связи съ этническимъ терминомъ ზენ³⁾, указанной уже разновидности названія тубал-каинскаго народа, славившагося ли конями или, быть можетъ, имѣвшаго къ лошадямъ какое-либо культовое отношеніе и раздѣлившаго съ ними названіе.

Въ виду намѣчающейся связи др.-гр. *ἡ ὄρε ἰον-і *hon-e > ἡ ὄρε ἰον-і hune конь съ этническимъ терминомъ hon, при суффиксѣ мн. ч. — honq, возникаетъ вопросъ, не употреблялась ли въ томъ или аналогичномъ значеніи другая

1) Ц. с., стр. 214.

2) Ср. фр. chevaucher, ит. cavalcare.

3) Ср. также (П. Марръ, *Изъ поэмъ въ Сванію*, Хр. Вост., 1913) названіе притока р. Хоби — ზენ-ბა (им. ზენ-ბა ზენ-ი (им. ზენ-ი) ikari.

Извѣстія II. А. II. 1913.

разновидность того же этнического термина *hen, точнѣе, heun, съ суффиксомъ мн. числа — *henq, точнѣе heunq, съ наросшимъ на основѣ именнымъ окончаніемъ (hen%/q) лежащая въ основѣ грецизованнаго *Enicxi? Казалось бы, въ грузинскомъ ღებო ღენ-ი *лошадь* имѣетъ сложное слово изъ $\varnothing$ $\dot{\varnothing}$, означающаго собственно *лошадь*, и $\dot{\varnothing}$ en (< *hen¹⁾), означающаго или породу *ken'sкую*, т. е. *henioq'sкую*, или, быть можетъ, также *лошадь*. Дѣло въ томъ, что по законамъ сравнительной яфетической фонетики картскому, т. е. коренному грузинскому $\dot{\varnothing}$, въ -ш- группѣ языковъ соответствуетъ $\dot{\varnothing}$, но, къ сожалѣнію, ни одинъ языкъ этой группы, ни чанскій (лазскій), ни мингрельскій не сохранилъ своего собственнаго слова для *лошади*, довольствуясь заимствованнымъ изъ грузинскаго сейчасъ обсуждаемымъ ღებო ღენ-ი. Ожидавшійся же тубал-каинскій или -ш- группы эквивалентъ $\dot{\varnothing}$ въ названіи *лошади* сохранили абхазы²⁾: по-абхазски лошадь — а- $\dot{\varnothing}$ д. Изъ этихъ двухъ яфетическихъ разновидностей названія *лошади*, именно * $\dot{\varnothing}$ -i, выделяемаго изъ грузинскаго сложнаго слова, и наличнаго въ абхазскомъ $\dot{\varnothing}$ д (съ префиксомъ а- $\dot{\varnothing}$ д), дѣйствительность отдѣльнаго существованія перваго, т. е. * $\dot{\varnothing}$ -i, можно подкрѣпить фонетически къ нему примыкающимъ армянскимъ³⁾, наличнымъ и въ древне-литературномъ, т. е. хайскомъ, $\dot{\varnothing}$ di ло-

1) Ср. $\dot{\varnothing}$ en-i и On-i отъ *Hoz-i, см. выше — стр. 327.

2) Впрочемъ слѣдуетъ указать, что чѣлкомъ сохранилось слово ღებო ღენ-ი съ такимъ эквивалентомъ $\dot{\varnothing}$ вм. $\dot{\varnothing}$ вь мингрельскомъ названіи села Ченени на р. Цхенис-цѣали, представляющемъ форму мингрельскаго же Р. падежа ($\dot{\varnothing}$ en-i-shi).

3) Что $\dot{\varnothing}$ di не хайское, а армянское слово, устанавливается безъ особаго труда исторією древне-литературнаго или хайскаго языка, который въ качествѣ собственнаго хайскаго слова въ значеніи *лошади* зналъ $\dot{\varnothing}$ di erivar. Въ св. Писаніи $\dot{\varnothing}$ di erivar употребляется, судя по *Конкордансу* (*Հոգևորդարան*), Иерусалимъ 1895), 103 раза, а $\dot{\varnothing}$ di — 62 раза, при этомъ въ Пятикнижьи и далѣе до *Псалма*. $\dot{\varnothing}$ di употреблено всего *одинъ* разъ, а $\dot{\varnothing}$ di erivar — 18 разъ. Эти цифровыя соотношенія не случайны, а свидѣтельствуютъ о постепенномъ вытѣсненіи армянскимъ словомъ хайскаго въ частности и въ текстѣ св. Писанія, но не съ одинаковою легкостью изъ всѣхъ его книгъ. Въ *Парал.* армянское $\dot{\varnothing}$ di, берущее верхъ, встрѣчается 8 разъ, а $\dot{\varnothing}$ di erivar — 4 раза, но это въ вульгатномъ текстѣ, а въ болѣе древнюю его версію (изд. Г. Халатьянца) изъ тѣхъ восьми случаевъ (I, 18, 4; II, 1, 16, 17; 8, 6; 9, 24, 25, 28; 25, 28) только разъ (II, 1, 17) проникло единовластно $\dot{\varnothing}$ di, разъ (II, 25, 28) вм. $\dot{\varnothing}$ di вульгаты — *Արանի*, также неологизмъ вм. **ասպստան* *aspastan (ср. I *Макк.* 3, 39: *ասպստան* $\dot{\varnothing}$ di), разъ (I, 18, 4) вм. $\dot{\varnothing}$ di — *Հիսկուհ* *հեղեղ օսանի*, въ остальныхъ случаяхъ — $\dot{\varnothing}$ di erivar, причѣмъ въ II, 9, 25 рядомъ съ $\dot{\varnothing}$ di erivar только по интерполяціи и порѣзѣ текста въ обихъ версіяхъ стоитъ и $\dot{\varnothing}$ di. Что касается индоевропейскаго происхожденія послѣдняго слова, то отождествленіе его съ санскр. *haya* (Hübbschmann, *AG*, 471, 264) давно слѣдовало бы устранить изъ всякаго строго научнаго сравнительнаго изслѣдованія хайскаго языка, какъ отпадаетъ теперь изъ числа показанныхъ индоевропейскими (всего 13, притомъ значительная часть съ основательнымъ вопрос. знакомъ) большинство словъ, начинающихся съ $\dot{\varnothing}$, какъ то *Հոգի* *duka* *рыба*, $\dot{\varnothing}$ di *даръ*, *Հուշեմ* *dawpet* *дарю* и др., за вынесеніемъ ихъ изъ-тическаго происхожденія.

шадь ¹⁾. Если здѣсь не имѣемъ случайнаго совпаденія ряда благопріятныхъ созвучій, то грузинское ჭბობა ḡ-ḡep-i оказывается сложнымъ словомъ ²⁾, дѣйствительно, означающимъ, какъ было сказано, *леш'скую*, т. е. *лешіод'скую лошадь* или быть можетъ, просто *лошадь*, при чемъ ჭბობა ḡ-ḡep-i пришлось бы признать возникшимъ по типу сложныхъ изъ двухъ синонимовъ (*ḡ-i, ḡep-i) словомъ ³⁾. Такимъ образомъ и въ мѣстныхъ матеріалахъ была бы засвидѣтельствована закономерность разновидности нашего этническаго термина съ огласовкою «е» — ḡep < *ḡep, лежащаго въ основѣ грецизованнаго Ἰνίοχοι. Въ подтвержденіе существованія все той же разновидности ḡep, казалось бы, чего легче, какъ указать на айсское слово ზღჳე ḡepu (< *ḡepu-i) ⁴⁾, мн. ზღჳე ḡepuq (< *ḡepuq), означающее *наездника, разбойника, пирата, наездѣ*, равно *наездничовъ, разбойничихъ набѣи, пиратовъ*, словомъ, судя по свидѣтельству древнихъ грековъ, пестыхъ эніоховъ (Ἐνίοχοι), но такому сопоставленію ложится поперекъ дороги то, что л. ზღჳე сближаютъ съ прапскимъ авест. haēpā- *войско, полчище враждебныхъ, дьявольскихъ или неарійскихъ силъ* и съ санск. śēpā- *войско* ⁵⁾.

Если, однако, примѣръ случайнаго совпаденія и въ этотъ разъ имѣемъ на сторонѣ исканія индоевропейской этимологіи для айскаго ზღჳე ḡepu, то фактъ обращенія этническаго термина въ *разбойный* могъ бы быть подкрѣпленъ и другими случаями, такъ, напр., въ грузинскомъ этническій терминъ ჭბობა- qurḡ-i *курдѣ* является обычнымъ нарицательнымъ именемъ, выражающимъ понятіе *воръ*. Въ древне-грузинскомъ этническій терминъ ჯოჯო ḡiq-i *зикъз*, напоминаетъ мѣѢ I. А. Кишвидзе, имѣетъ и значеніе *свирѣпый, жестокий* ⁶⁾,

1) Если бы не эта поддержка, можно бы было предположить, что начальная группа ḡq представляетъ обычное удвоеніе ḡ въ возмѣщеніе ослабленія двугласнаго су: *ḡepu-i > ḡḡep-i. Кстати, основы для выраженія ზღჳე верхомъ также одного происхожденія въ древне-грузинскомъ и айсскомъ, именно л. ḡet||k. qed (< *qed) > ново-гр. ḡed, отсюда л. ზღჳე ზღჳე ზღჳე ḡet-an-el *пѣзидъ верхомъ*, др.-гр. ζακαλα qed-n-a-y id., л. ზღჳე ზღჳე ḡet-cal *осадникъ*, др.-гр. ζακαλα m-qed-ar-i id.

2) Придется въ то же время признать, что картскаго, кореннаго грузинскаго слова полностью не имѣемъ, такъ какъ истертость корней до одногласности свойственна абхазскому и лфетическимъ перекипанимъ въ одномъ изъ языковъ Арменіи, а картскому, какъ и тубал-каинскимъ, только въ сложеніяхъ, но дополнить недостающіе согласные трудно. Не помогаетъ и св. ჭა ჭა *лошадь*.

3) Я лишь ставлю, но не рѣшаю вопроса о томъ, этническій ли терминъ обратился въ названіе лошади или слово, означавшее *лошадь*, было использовано въ качестве этническаго термина.

4) Р. ზღჳე ḡini, какъ извѣстно, представляетъ замѣну «е» вульгарнымъ i.

5) Hübschmann, AG, стр. 180, 345, Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, s. v. haēpā стр. 1720.

6) Ср. Шота Руставскій, ჯიჯიბე ჯიჯიბე, 26, 3, ср. Н. Маррт, Вступ. строфы, стр. 2 (четв. 4, 3), пер., стр. 7 (четв. 4, 3), полси., стр. 23—24.

по Чубинову — *упрямый*¹⁾. Въ хайскомъ языкѣ въ качествѣ *разбойнаго отряда* употребляется *ჰუნძან* *qijaŋ*, а въ значеніи *варвара, дикаря* и т. п. — *ჰუნძ* *qij*, представляющія собой этнической терминъ «хузъ», «хузистанецъ». Въ обоихъ языкахъ Арменіи въ значеніи *разбойникъ* употребляется еще *աւազակ* *avaz-ak*, въ армянскомъ только это слово и употребляется въ указанномъ значеніи, и возможно, что въ древне-литературный языкъ Арменіи, т. е. въ хайскій онъ внесенъ изъ армянскаго²⁾, а въ качествѣ заимствованія слово въ формѣ *ავაზიკი* *avaz-ak-i* прошло и въ грузинскій, гдѣ оно въ живой рѣчи соединяется съ *ქურდი* *qurd-i* въ сложное *ქურდავანიკი* *qurd-avaz-ak-i* для выраженія полноты грабительскихъ качествъ — въ значеніи *и оръж и разбойникъ*³⁾. Этотъ терминъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ этническаго термина *a-vaz*, названія *avaz-g'ovъ* или *abaz-g'ovъ*, т. е. абхазовъ. Впрочемъ понятіе *наѣздъ, разбойничій набѣгъ*, съ этническимъ терминомъ *heŋ-* могло быть связываемо и въ зависимости отъ употребленія, какъ его двойникъ *hən* въ грузинскомъ (**ჰენი* **hən-e* → *ჰენი* *hən-e*), въ значеніи *коня, лошади*: отъ пр. *asr* *лошадь* происходитъ *h. աղաղակ* *asr-at-ak*, означающее *наѣздъ, разбойничій набѣгъ*. И раньше было ясно, что греческое названіе рѣки *Ἰππος* было переводомъ мѣстнаго термина, по-грузински звучащаго *ტენის-იკალი* *tēnis-ikal-i*; теперь же намѣчается, быть можетъ, болѣе правильное объясненіе, что рѣка такъ называлась не въ связи съ *лошадью*, а, какъ въ большинствѣ названій кавказскихъ рѣкъ и ущелій, по населявшему ихъ племени, по названію племени *heŋ'ovъ* или *hən'ovъ*, получавшему или имѣвшему въ устахъ окрестныхъ племенъ значеніе *кона* и давшему соотвѣтственное основаніе для обращенія «рѣки *heŋ'ovъ*» (> *henioq'ovъ*) или «*hən'ovъ*» въ «рѣку *лошади*»: *Ἰππος, ტენის-იკალი* *tēnis-ikal-i*.

Страннымъ можетъ показаться, что отъ обсуждаемаго вида нашего термина съ начальнымъ спирантомъ *h* вм. сибиланта *s* имѣются разновидности

1) Тотъ же этнической терминъ имѣемъ, повидимому, и въ грузинскомъ словѣ *ძიჯი* *qij-i*, въ мингрельскомъ звучащемъ *ჯიჯი* *qij-i*, что въ обоихъ означаетъ *туръ* (сарга сауса-сика), буквально, слѣдовательно, — «зихское» (животное). Но вопросъ объ этническихъ терминахъ въ названіяхъ животныхъ требуетъ самостоятельной разработки.

2) Въ хайскомъ текстѣ книги *Парал. աւազակ* *avaz-ak* встрѣчается всего разъ, въ II, 36, 5, т. е. въ той главѣ, которой вовсе нѣтъ въ древней версіи (изд. Г. Халатянца), въ двухъ же другихъ мѣстахъ (I, 12, 21, II, 22, 1) и вульгатный текстъ даетъ *հես* *heŋ*, древняя же версія въ первомъ случаѣ удерживаетъ безъ перевода (*Գեդուր* *Gedur*), какъ *LXX* (Γεδούρ), евр. слово *גֶּדוּר*, переводомъ чего является *հես* *heŋ* *разбойный отрядъ* въ другой версіи, въ данномъ стихѣ сохранившей болѣе древнее чтеніе армянской Библіи, а во второмъ случаѣ замѣнять синонимомъ *ჰუნძან* *qijaŋ*, терминомъ въ основѣ (*ჰუნძ* *qij*) этническаго происхожденія. Любопытно, что во всѣхъ трехъ случаяхъ др.-грузинскій переводъ Библии читаетъ *ავაზიკი* *avaz-ak-i*, по крайней мѣрѣ въ Московскомъ изданіи.

3) См. Чуб., s. v.

объ отпаденіи п въ паузѣ: дессибиллизованная разновидность пра-формы этническаго термина $\{an$ или $\{an$, т. е. $*taun$ видоизмѣнилась въ $\{auy$ tau , съ этническимъ суффиксомъ или, что тоже, съ показателемъ множественности $tau-q$; при сращеніи съ основою архаическаго именного окончанія «о» получается $tauo$, что полностью появляется въ сильныхъ падежахъ айскаго склоненія, напр. Р. $\{auyng$ $tauo-\dot{o}$, а съ потерю только полугласнаго «у» въ грузинскомъ $\{au$ tau (< $tauo$), названіи мѣстности, населенной этими «тайоями», наконецъ, при той же потерѣ «у», но съ этническимъ суффиксомъ $\dot{q}$ въ греческомъ $Tá\chi\alpha\iota$, упоминаемомъ еще Ксенофонтомъ и лишь позднѣе вытѣсняемомъ у грековъ терминомъ $Tíz\acute{\nu}\alpha\iota$, лингвистически собственно отнюдь не болѣе позднимъ. То же самое произошло и съ ассбилованнымъ терминомъ $*\{auy$, разновидностью $\{auy$ и ея эквивалентовъ: по утратѣ исходнаго п и сращеніи именного окончанія «о» съ этническимъ суффиксомъ $\dot{q}$, $*\{auy$ долженъ былъ переродиться въ $*\{au\dot{q}$ (< $*\{auo-\dot{q}$), что и сохранилось (съ карѣскимъ, да и абхазскимъ раздвоеніемъ «о» въ wa , resp. va) въ видѣ $\{au\dot{q}$ $\{aua\dot{q}-i$, арм. $\{au\dot{q}$ $\{aua\dot{q}$ ¹⁾).

Соотвѣственно съ этимъ искомая разновидность $*han$, точнѣе $*hayu$, закопѣвшая пра-форма этническаго термина $hen'a$ ($Evic\chi\alpha\iota$), двойвика $hon'a$ ($\{au\dot{q}$ $hon-q$), могла измѣниться въ весьма раннюю пору въ hay (съ этническимъ суффиксомъ $*hay-\dot{q}$), что при сращенномъ архаическомъ именномъ окончаніи (о) должно было дать $hayo$ (съ этническимъ суффиксомъ $*hayo-\dot{q}$); все это, почти все это имѣется на лицо. Древніе армяне, а по традиціи отъ нихъ и новыя, усвоили себѣ это названіе одного изъ яфетическихъ народовъ: каждый изъ армянъ называетъ и теперь себя $\{auy$ hay , древніе армяне въ цѣлости называли себя, равно свою страну $\{au\dot{q}$ $hay-q$ (< $*hay-\dot{q}$), а въ Р. падежѣ мн. ч. $\{auyng$ $hayo-\dot{o}$ на лицо та же основа съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ.

Но эта разновидность нашего этническаго термина была прикрѣплена не только къ югу или къ предѣламъ Арменія. На самомъ сѣверѣ прослѣживаемаго теперь яфетическаго міра за $Hn\acute{e}\chi\alpha\iota$ и $Z\acute{u}\chi\alpha\iota$ еще въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. находился, по свѣдѣніямъ грековъ, народъ $\Lambda\chi\alpha\iota\acute{o}\iota$: есть ли въ начальномъ а- этого этническаго термина результатъ приспособленія его къ обычнымъ для грековъ ахеймъ или, что по нѣкоторымъ даннымъ вѣроятнѣе, простой абхазскій префиксъ а-, въ обоихъ случаяхъ въ основѣ его лежитъ $\{au$ ($-\chi\alpha\iota-$), т. е. тотъ же hay съ подъемомъ спонанта h въ твердый $\dot{q}$, какъ это наблюдается и въ Арменіи въ нѣкоторыхъ діалектахъ, напр. мокскомъ ²⁾, да и въ Грузіи, Сваніи и т. п.

1) Когда въ айскомъ это слово во мн. числѣ получаетъ окончаніе $-q$ ($\{au\dot{q}$ $\{aua\dot{q}q$), то въ концѣ слова сходятся два вида ($\dot{q}$, q) одного и того же суффикса мн. числа.

2) Нѣтъ пока никакого основанія думать, что видъ со слабымъ h есть первичное яв-

Нельзя, однако, утверждать и того, что первичная форма этой разновидности *haup* не оставила никаких следов в мѣстной географической номенклатурѣ. Какъ на сѣверѣ въ предѣлахъ Кутапской губерніи этнический терминъ *hon* сохранился въ названіяхъ селъ и городовъ въ формѣ *hōn-i* (< *hōn-i), *on-i* (< *hōn-i), такъ на югѣ въ предѣлахъ Арменіи разновидность того же термина съ потерей полугласнаго «у» — *han*, двойникъ *san'a*, съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ *i*, сохранился въ названіяхъ историческихъ городовъ *Հանի* *Han-i* на западной окраинѣ Арменіи, и то же *Հանի* *Han-i* > *Цані* *Ani* у насъ въ Карсской области, гдѣ теперь, какъ извѣстно, — одинъ развалины.

При стоящихъ на очереди лингвистическихъ вопросахъ объ яфетическихъ элементахъ въ языкахъ Арменіи выясненіе происхожденія этническаго термина, которымъ до сего дня продолжаютъ называть себя армяне, имѣетъ вполне реальное значеніе. Ясное дѣло, что яфетическій языкъ энюхскаго, *gesp. hēnoq'*скаго типа долженъ если не господствовать въ яфетическомъ слоѣ языковъ Арменіи, то лежать особо густымъ пластомъ въ его основѣ. Элементы лингвистическаго родства языковъ Арменіи, съ одной стороны, — съ яфетическимъ слоємъ абхазскаго языка, съ другой — съ коренными особенностями сванскаго языка только и могутъ содѣйствовать въ первую очередь опредѣленію истой фizioноміи энюхскаго языка. Для работы надъ этой дальнѣйшей задачей этнические термины теряютъ значеніе; они сами нуждаются въ разъясненіи, такъ, напр., въ отношеніи того, племени какого развѣтвленія обнимаетъ терминъ *hēn'q* (> *Ἐνιοχοί*) и его фонетически дифференцированныя разновидности. Правда ли, что онъ, этотъ терминъ, — гибриднаго состава, т. е. по суффиксу *q* — одного развѣтвленія яфетическихъ языковъ, а по основѣ — другого? Разновидности основы того же термина бываютъ снабжены вм. этническаго суффикса *q*, показателя множественности, равнозначущими суффиксами другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, — то *iv*, напр. *Հանի* *han-iv*, то *ar*, напр. *Հանի* *han-ar*. Не столько фонетическія въ самой основѣ перерожденія, сколько морфологическія колебанія въ образованіи мн. числа, заставляющія относить этнические термины отъ одного развѣтвленія языковъ къ другому, даже отъ одной группы къ другой, говорятъ ясно, что на нихъ, на

леніе, а съ твердымъ *q* — позднѣйшее: какъ въ рядѣ разновидностей съ переднебѣднымъ начальнымъ звукомъ мы констатировали чередованіе слабыхъ согласныхъ съ сильными (*san* (> *zan*), *šan*, *tan*, *fan*, *dan*, *qan*), такъ имѣются соотвѣтственныя разновидности и съ гортаннымъ не только *haup*, *gesp. hēn*, *qauu*, *gesp. qen* и т. п., но и *қауа* (*q̣*), ср. также по существу совершенно правильно отождествляемыхъ П. Г. Адонцемъ съ цанами *Kenу* и *о-кен-итонъ*, *Арменія въ эпоху Юстиніана*, СПб. 1908, стр. 63 сл.), точный перебойный эквивалентъ разновидности *qauu*, откуда не только *qeyu* (*Հեյ* *qeyu-q*) и *qen* (*Հեն* *qen-eba*), но и *Հані* *han-i*.

эти термины, полагаться нельзя, когда речь идет о реальном их содержании. Раскрытие не политического, а природного этнического значения в частности термина *Ἡνίοχοι* (< *hen^o/q) целиком зависит от выяснения реальных разбросов того лингвистического материала, который в перечисленных языках может быть признан, на основании сравнительной работы, эндохским осадком.

Впрочем, разновидности нашего термина в настоящей работе отнюдь не исчерпаны. Но, когда я или кто другой вернется к исчерпывающему, притом систематическому их изложению, то встанет вопрос не только о полноте перечня, но и о классификации разновидностей по принадлежности к тому или иному типу яфетических языков. Знакомые с основами сравнительной яфетической фонетики, сами, по всей вероятности, не могли не заметить в общих чертах этой классификации: напр., разновидности а) с $s > \dot{t}$ (сюда же с $\dot{d}$ или $\dot{\delta}$) относятся к -s- группе (картской), б) с $sh > \dot{t}$ (сюда же с $\dot{d}$ или $\dot{\delta}$) — к -ш- группе (так называемой тубал-каинской), в) с $h > k$, resp. $\dot{q}$ (сюда же и $\dot{g}$) — к группе основного слоя сванского языка, что же касается разновидности с десспилированным $\dot{t}$, то она может происходить и от картского ($\dot{t}$) и от т.-к. ($\dot{t}$) прототипа.

Вывод из сказанного простой, для меня — единственный: пока, с одной стороны, даже специалисты не берут на себя труда основательно познакомиться с яфетидологическими работами в пределах хотя бы печатного материала и в полном неведении их результатов пишут о Кавказе, играя их языками и племенами, как мертвыми шахматными фигурами, а с другой стороны, новое христианское миссионерство поучает абхазский народ их родной речи по создаваемым вновь переводным литературным памятникам, надо снискать учиться у абхазов их живому языку, надо торопиться спасением устных памятников народной словесности, чтобы завести Услара, за которым полувековая давность, перестала, наконец, быть гласом вопиющего в пустыню, и тогда только получить науку полную подлинных материалов, которых она жаждет для разрешения целого ряда назревших исторических проблем по кавказскому краю. Что для этого требуется прежде всего подготовка кадра работников, внесение изучения абхазского языка в круг академических работ и университетских занятий, для меня также не подлежит сомнению: дело должно начаться организацией систематического университетского преподавания не только абхазского, но и ближайше родственных с ним нелитературных языков, если русской науке суждено подняться в изучении кавказского многоязычия выше устанавливаемого любителями и самоучками уровня.

Транскрипція абхазських звуков¹⁾.

Абхазск. система.	Мягкое или смягченное.	Гортан. соот.	Абхазск. Переводч. комитета.	Абхазск. система.	Мягкое или смягченное.	Гортан. соот.	Абхазск. Переводч. комитета.
1. a	а		a	29. w	з		—[ʒ]
2. b	б		б	30. ф	ф		ф
3. g	г		г	31. q	д		б
3a. ɣ	мягк. ɔ (= ɔa)		ɣ (ɣv)	31a. q	смягч. д (= да)		б̃
4. d	д		д	32. ɣ	з		б
5. d̃			д̃	32a. ɣ	смягч. з (= за)		б̃ (ɣv)
6. e	е		е ²⁾	33. k	к		к
7. v	в		в	33a. k	смягч. к (= ка)		к̃
8. ṽ	дебел. ɟ		—	34. ш	ш		ш
9. z	з		з	34a. ш ⁷⁾	смягч. ш (= ша)		ш̃
9a. z	смягч. ʒ (= ʒa)		—[ʒ]	35. ш̃	—слитн. губн. ш̃+з		ш̃
10. ə	ə ³⁾		v	36. ш̃	—смяг. слитн. губн. ш̃+з		ш̃
11. ʔ	ʔ		ʔ	37. ʔ	ʔ		ч
12. ʔ ⁴⁾	губн. ʔ+ʔ		ʔ	38. ʔ	—дебел. ʔ		ч
13. i	и		i ⁵⁾	39. ʔ	ʔ		ц
14. k	к		к	40. ʔ	дебел. ʔ		—
14a. k	смягч. к (= ка)		—[k]	41. ʔ	слитн. губн. ʔ+з		ц̃
15. l	л		л	42. d̃	d̃		з̃
15a. l̃	смягч. л̃ (мингр. л̃a)		—[l̃]	43. d̃	слитн. губн. d̃+з		л̃
16. m	м		м	44. t̃	т̃		ц̃
17. n	н		н	45. t̃	—дебел. т̃		—
17a. ñ	смягч. б (= ба)		—[ñ]	46. t̃ ⁸⁾	слитн. губн. т̃+з		ц̃
18. y	у		—[y]	47. t̃	т̃		ч̃
19. o	о		о	48. t̃	—дебел. т̃		ч̃
20. p	п		п	49. q̃	к̃		х
21. j	й		ж	49a. q̃	мягк. к̃ (= ка)		х̃
21a. j̃	смягч. й (= я)		ж̃	50. d̃	з̃		ц̃
22. j̃	слитн. губн. (ʔ+й)+з		ж̃	50a. d̃	мягкий з̃ (= за)		ц̃
22a. j̃	смягч. слитн. губн. (ʔ+й)+з		ж̃	51. h̃ ⁹⁾	—более глубокий спирант ч̃+ч̃ h̃ груз. ʔ		h̃
23. r	р		р	52. h̃	—слияние того же звука с̃ з̃		h̃
24. s	с		с	53. f	ф		ф
25. s̃	дебелый ʔ		—[s̃]	54. ʔ ¹⁰⁾	—слитн. з̃+а с̃ предш. спира́нтъ, близкий к̃		с̃
26. t	т		т				
27. t̃ ⁶⁾	слитн. губн. ʔ+з		т̃				
28. u	у		у				

1) Ср. П. Г. Чарая, ц. с., § 11, стр. 55—56. 2) Следовало бы э. 3) Наличный въ сванскомъ и мингрельскомъ, равно въ языкахъ Арменій (ц). 4) а не t̃. 5) Было бы послѣдовательнѣе — и. 6) а не t̃. 7) а не ш̃. 8) а не ʔ. 9) а не h̃ = ʔ. 10) а не ʔ.

Табл. II.

Яфетическая группа языковъ

(съ лингвистическими терминами вм. этническихъ въ названіяхъ родовъ и видовъ)

н- развитіе			мѣшанные типы языковъ			п- развитіе			ч- развитіе		
группа	языкъ	языкъ	языкъ	языкъ	языкъ	группа	языкъ	языкъ	группа	языкъ	языкъ
группа	языкъ	языкъ	языкъ	языкъ	языкъ	группа	языкъ	языкъ	группа	языкъ	языкъ
(такъ назы- ваемая карт- ская) карт- ский (грузин- ский) языкъ	сванский языкъ.	2-й категоріи Ахеменид- ский клино- образный надписей.	языкъ ван- скихъ клино- образныхъ надписей.	языкъ ван- скихъ клино- образныхъ надписей.	языкъ ван- скихъ клино- образныхъ надписей.	(такъ назы- ваемая тубал- каинская): иберский = мингирельский и чанский = лазский языки.	сванский языкъ.	2-й категоріи Ахеменид- ский клино- образный надписей.	[до-арійский языкъ Арме- ни], отло- жившійся въ аризонан- номъ армян- скомъ языкѣ, такъ назы- ваемомъ аш- хархабарѣ или вулгар- номъ армян- скомъ.	-п- группа: [до-арійский языкъ Арме- ни], отло- жившійся въ аризонан- номъ иай- скомъ языкѣ, такъ назы- ваемомъ гра- барѣ или древне-лите- ратурномъ языкъ Арме- ни.	-п- группа: основной слой яфетиче- скихъ эле- ментовъ аб- хазскаго языка.